

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІV.

1894.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	29
В. М. Владиславлевъ. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи	207
Е. В. Пѣтуховъ. Михаилъ Никитичъ Муравьевъ	265
Н. А. Любимовъ. Исторія физики (продолженіе)	297
Л. А. Саккетти. О музыкальной художественности древнихъ грековъ	326

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. Б. Любавскій. Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ	348
Ю. А. Кулаковскій. <i>II. В. Немушль</i> . Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Выпускъ первый. Харьковъ. 1891	394
Н. Н. Дебольскій. <i>В. Сергиевичъ</i> . Русскія юридическія древности. Томъ I. Территорія и населеніе. Томъ II. Власть. Вып. 1. Вѣче и князь. С.-Пб. 1890—1893	405
— Книжныя новости	448
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	26

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Публичная Библиотека въ 1891 году	37
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	47
А. О—въ. Н. М. Ядринцевъ (некрологъ)	59

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Х. И. Х—къ. Путовонъ (Miles Gloriosus), комедія Плавта (окомчаніе)	65
О. А. Шеборъ. Hor. Sat. I. 9. 43 sqq.	103
О. Г. Мищенко. Thucyd. VIII 97 ₂ и Aristot. 'Αθηναίων. Πολιτ. 32 ₁	107

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ	193
--	-----

За редактора С. Платоновъ.

(Вышла 1-го августа).

склонно наше разногласіе, не усматривая въ немъ ничего личнаго. Для этого послѣдняго элемента нѣтъ и не можетъ быть никакого основанія, и это тѣмъ болѣе, что г. Нетушиль оказалъ вниманіе и нашей работѣ, въ одномъ соглашаясь съ нашими положеніями и расходясь въ другомъ. Мы питаемъ къ нему за это вниманіе искреннюю признательность и считаемъ своимъ долгомъ высказать здѣсь это. Но такъ какъ, говоря словами Теренція, —

— — — in medio omnibus

Palmas esse positam, qui artem tractant musicam,

и ученый споръ при разногласіи въ воззрѣніяхъ есть дѣло обязательное, а появленіе перваго на русскомъ языкѣ самостоятельнаго „Очерка римскихъ древностей“ есть само по себѣ событіе въ нашей ученой литературѣ, то мы и сочли своимъ долгомъ откровенно высказать наше сужденіе о томъ, что, по нашему мнѣнію, является существеннымъ недостаткомъ въ трудѣ г. Нетушила.

Юліанъ Кулаковскій.

В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ I. Территорія и населеніе. С.-Пб. 1890 г. Томъ II. Власть. Вып. 1. Вѣче и князь. С.-Пб. 1893 г.

„Въ наше время отъ исторіи требуютъ раскрытія законовъ развитія человѣческихъ обществъ“.

(*В. Н. Сергѣевичъ, Государство и право въ исторіи.*)

По поводу всякой монографіи можно сдѣлать много отдѣльных замѣчаній, указать много нерѣшенныхъ вопросовъ, и этимъ будетъ исполнено дѣло критика. Когда же передъ нами лежатъ части цѣлой системы, дѣло становится, безъ сомнѣнія, гораздо сложнѣе: не будетъ абсурдомъ сказать, что можетъ быть вѣрное мировоззрѣніе, подкрѣпленное невѣрными фактами. Поэтому, касаясь цѣлой научной системы, критикъ долженъ или ограничиться однимъ формальнымъ разборомъ, указаніемъ содержанія, опредѣленіемъ мѣста даннаго труда въ ряду ему подобныхъ, выясненіемъ, наконецъ, его общаго значенія; или онъ долженъ коснуться тѣхъ общихъ теорій, которыя вложены въ основу разбираемаго сочиненія, такъ какъ истинность отдѣльныхъ положеній всецѣло зависитъ отъ истинности исходнаго пункта. Предметомъ настоящей статьи будетъ формальный разборъ вышепри-

веденнаго труда проф. В. И. Сергѣевича. Причинами этому служить, во первыхъ, убѣжденіе автора, что стройная научная система вырабатывается цѣлою жизнью ученой дѣятельности и потому можетъ быть съ достаточнымъ основаніемъ разбита и измѣнена лишь тѣмъ, кто выставитъ взамѣнъ ея новую систему (и можно было бы удивиться тогда, „quid sit, quod... ego potissimum surrexerim, quo neque aetate, neque ingenio, neque auctoritate sim... comparandus“) ¹⁾, а во вторыхъ, глубокое уваженіе къ тѣмъ теоріямъ, которыя составляютъ основу разбираемаго труда.

I.

Въ 1867 году проф. В. И. Сергѣевичъ выступилъ съ первымъ своимъ произведеніемъ: „Вѣче и князь“. Это была его магистерская диссертация. Самый диспутъ происходилъ въ 1868 году ²⁾. Книга вызвала сильное волненіе въ научныхъ кругахъ и встрѣтила съ одной стороны горячее сочувствіе, съ другой не менѣе горячій протестъ. Лешковъ, славянофилъ и защитникъ общинной теоріи, писалъ ³⁾: „эта диссертация до того дѣльна, что требуетъ отъ читателя столь же дѣльнаго, внимательнаго чтенія, до того отчетлива, что въ самомъ читателѣ предполагаетъ отчетливое знакомство съ дѣломъ и, содержа много, написана со всевозможною сдержанностію, безъ всякихъ увлеченій“, и затѣмъ далѣе въ своемъ разборѣ съ одобреніемъ передаетъ тѣ воззрѣнія проф. Сергѣевича, которыя сходились съ воззрѣніями славянофиловъ, и усиливаетъ тѣни на тѣхъ, которыя не были достаточно рѣзко очерчены осторожнымъ авторомъ. Въ то же время Д. Щ. въ Голосѣ ⁴⁾ говоритъ: „авторъ увлекается предвзятыми мнѣніями“. Въ то время какъ Лешковъ упрекаетъ г. Сергѣевича въ излишней осторожности въ вопросѣ о вѣчѣ въ различныхъ городахъ древней Руси (стр. 225), рецензентъ *Голоса* замѣчаетъ: „г. Сергѣевичъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы ограничился только вѣрными, несомнѣнными свидѣтельствами лѣтописей о народныхъ рѣшеніяхъ посредствомъ вѣча; въ такомъ случаѣ его списокъ городовъ былъ бы короче, но имѣлъ бы больше значенія для науки“. Болѣе поздній и очень

¹⁾ *M. Tull. Cicero*, „Pro S. Roscio Amerino“, cap. I, § 1.

²⁾ *М. Полюдинъ*, Диспутъ г. Сергѣевича (*Русскій*, 1868, I, стр. 17).

³⁾ *Московскія Университетскія Извѣстія* (1869 г., № 3, стр. 206); перепечатано изъ газеты *Русскій* (1868 г., №№ 48, 49, 51, 53).

⁴⁾ *Голосъ*, 1868, № 307.

пристрастный ¹⁾ критикъ М. О. Кояловичъ говоритъ ²⁾: „Въ сочиненіяхъ проф. Сергѣевича можно видѣть какъ бы середину между славянофильствомъ и западничествомъ“. Какъ мы постараемся далѣе доказать, проф. В. И. Сергѣевичъ въ своихъ трудахъ является черезчуръ безпристрастнымъ ученымъ, чтобы быть западникомъ или славянофиломъ, чтобы все подчинить общинной или родовой теоріи. Если нужно однимъ словомъ охарактеризовать его теорію, скажемъ даже, его школу, то лучшимъ названіемъ будетъ школа сравнительнаго изученія. Владимірскаго-Будановъ справедливо указываетъ ³⁾, что существо ученія В. И. Сергѣевича—въ опредѣленіи обще-европейскихъ культурныхъ сторонъ въ исторіи русскаго права. Въ своихъ трудахъ проф. Сергѣевичъ примѣняетъ конкретно-дедуктивный методъ, указанный Д. С. Миллемъ для социальныхъ изслѣдованій ⁴⁾. Этимъ онъ избѣгаетъ беспочвеннаго стремленія выводить государственное право изъ абсолюта, какъ дѣлали нѣмецкіе представители философіи права, а, съ другой стороны, не впадаетъ въ крайности школы археологической. Свои воззрѣнія на методъ и задачу государственнаго права проф. В. И. Сергѣевичъ выразилъ въ докторской диссертации, появившейся въ 1871 г.: „Задача и методъ государственныхъ наукъ, очеркъ современной политической литературы“. Онъ говоритъ ⁵⁾: „цѣль нѣмецкой философской науки о государствѣ далеко расходится съ реальными условіями жизни, а потому есть основаніе сомнѣваться въ пользѣ ея осуществленія“; и далѣе ⁶⁾: „задача чистой науки (права), въ противоположность къ задачѣ нѣмецкой философіи права, заключается не въ установленіи самыхъ нормъ права, а въ раскрытіи законовъ сосуществованія и послѣдовательности социальныхъ явленій фактической государственной жизни, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова“. Очевидно, что и для славянофиловъ и для западниковъ, къ числу которыхъ принадлежало большинство тогдашней ученой среды, для людей, выросшихъ на преданіяхъ сороковыхъ годовъ, которыхъ „жизнь была поглощена изученіемъ и обсу-

¹⁾ См. рец. К. Н. Бестужева-Рюмина въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1885 г., № 1, стр. 95—140.

²⁾ *Исторія русскаго самосознанія*, С.-Пб., 1884 г., стр. 272.

³⁾ *Обзоръ исторіи русскаго права*, 2-е изд., Кіевъ, 1888 г., стр. 9.

⁴⁾ *Логика*, русск. пер., ч. II, „О методѣ нравственныхъ наукъ“, гл. IX, стр. 471.

⁵⁾ Стр. 9.

⁶⁾ Стр. 34.

жденіемъ Гегеля и Шеллинга, Гёте и Шекспира“¹⁾, когда Н. Станкевичъ говорилъ²⁾: „человѣкъ... не долженъ бояться мысли ни въ какомъ отношеніи“,—В. И. Сергѣевичъ былъ чуждъ со своимъ очевиднымъ предпочтеніемъ позитивизма. Мы не станемъ входить въ оцѣнку того и другаго направленія, замѣтимъ лишь, что нельзя отрицать значительныхъ заслугъ позитивизма въ сферѣ социальныхъ и естественныхъ наукъ, и что направленіе В. И. Сергѣевича было знаменіемъ того времени, когда молодое поколѣніе шло противъ абсолютныхъ теорій своихъ учителей и отцовъ. Но замѣчательно, что, отрицая методъ построения науки изъ абсолюта, В. И. Сергѣевичъ не прикинулъ и къ лагерю русскихъ позитивистовъ 1860—1870 годовъ³⁾, которые въ сферѣ специально юридической послѣ судебной реформы выдвинули на первый планъ изученіе дѣйствующаго положительнаго права и методъ догматическій⁴⁾, а проф. Сергѣевичъ былъ совершенно чуждъ догматики⁵⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что съ момента появленія его магистерской и докторской диссертаций онъ остался внѣ лагерей, на которые дѣлалось тогдашнее ученое сословіе. Слѣдующими работами проф. В. И. Сергѣевича, работами подготовительными къ его курсу исторіи русскаго права, были: „Земскіе соборы Московскаго государства“⁶⁾ и „Государство и право въ исторіи“⁷⁾. Основными положеніями первой статьи были: „отрекаясь отъ бояръ, царь, естественно, ищетъ поддержки въ народѣ; такова мысль перваго собора“⁸⁾. „Одной патріотической дѣятельности земскихъ соборовъ начала XVII вѣка уже довольно, чтобы Россія всегда вспоминала о нихъ съ благодарностію“⁹⁾; „для борьбы съ боярами были они (земскіе соборы) созданы въ первый разъ, на злоупотребленія

¹⁾ *И. Виноградовъ*, И. В. Кирѣевскій и начало Московскаго славянофильства (*Вопросы философіи и психологіи*, 1892 г., январь, кн. II, стр. 101).

²⁾ *Ibid.*, стр. 126.

³⁾ См. рецензію *А. Л.* на сочиненіе В. И. Сергѣевича: *Метода и задача государственныхъ наукъ (С.-Петербургскія Выдѣлости*, 1873 г., №№ 182 и 208), и отвѣтъ В. И. Сергѣевича (*ibid.*, № 208).

⁴⁾ Объ этомъ направленіи юриспруденціи см. *Шершеневичъ*. Наука гражданскаго права въ Россіи, Казань, 1893, стр. 79—80 и слл.

⁵⁾ О догматизмѣ позитивистовъ вообще см. *S. J. Gruber*, *August Comte, der Begründer des Positivismus*. Freiburg im Breisgau, 1889, S. 117.

⁶⁾ *Сборникъ государственныхъ знаій*, изд. *Безобразовыхъ*, т. II, С.-Пб., 1875 г., стр. 1—59.

⁷⁾ *Ibidem.*, т. VII, изд. 1879 г., стр. 19—96.

⁸⁾ Стр. 5.

⁹⁾ Стр. 41.

бояръ указываютъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ, но борьба эта велась не одинаковымъ оружіемъ и не при равныхъ условіяхъ. Бояре были ближе къ царю и успѣли, наконецъ, удалить отъ лица его представителей земли“¹⁾). Вопросъ о земскихъ соборахъ очень часто поднимался и рѣшался различно, но въ большинствѣ случаевъ противно взглядамъ В. И. Сергѣевича. Происходило это и отъ вліянія иного построения хода исторіи Московскаго государства²⁾ и отъ того, что земскіе соборы сравнивали съ твердо организованными представительными парламентами Западной Европы³⁾, отъ чего самъ В. И. Сергѣевичъ предостерегаетъ, указывая ихъ несоизмѣримость⁴⁾). Вторая статья для насъ болѣе важна; она вошла въ видѣ введенія въ „Лекціи и изслѣдованія“ 1883 года и рѣшаетъ вопросъ о методѣ исторіи и о значеніи различныхъ факторовъ ея. Здѣсь В. И. Сергѣевичъ склоняется къ понятію исторіи, какъ науки о законахъ развитія человѣческихъ обществъ⁵⁾). Онъ раскрываетъ сравнительную незначительность вліянія природы на строй общественной жизни и выставляетъ два основныхъ дѣятеля въ исторіи: 1) прямая передача и 2) вліяніе одинаковыхъ причинъ, къ которымъ онъ причисляетъ и происхожденіе отъ общаго корня. Что касается метода, то онъ принимаетъ сравнительный методъ⁶⁾). Затѣмъ далѣе авторъ опредѣляетъ національность лишь вліяніемъ сходныхъ причинъ. Онъ говоритъ⁷⁾): „единство происхожденія семьи индоевропейскихъ народовъ, есть твердо установленный фактъ науки. Въ этой группѣ народовъ, слѣдовательно, всѣ національныя различія не только могутъ, но и должны быть объясняемы различіемъ историческихъ условій, а никакъ не искони прирожденными и навсегда неизмѣнными свойствами“. Послѣ этого В. И. Сергѣевичъ указываетъ на неопредѣленность понятія прогресса и кончаетъ установленіемъ періодовъ русской исторіи, которыхъ онъ

¹⁾ Стр. 59.

²⁾ *Ключевскій*, Боярская дума древней Руси, изд. 2-е, М., 1883, и „Составъ представительства на земскихъ соборахъ“ (*Русская Мысль*, 1892, № 1).

³⁾ *В. Н. Чичеринъ*, О народномъ представительствѣ, М., 1866.

⁴⁾ XXIX присужденіе Уваровскихъ премій. Рец. соч. Латкина (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1886, № 10).

⁵⁾ Стр. 21 и слѣд.

⁶⁾ Интересно, что когда писалась статья В. И. Сергѣевича, въ наукѣ меньше всего обращалось вниманія на прямую передачу. Теперь, благодаря соч. *Tarde: Les lois de l'imitation*, она выдвинута впередъ, равно какъ и теорія паралельнаго развитія противъ эволюціонизма (см. „*Les transformations des lois*“ того же *Tarda*).

⁷⁾ Стр. 27.

принимаетъ три ¹⁾: княжескій, московскій и императорскій. Какъ мы уже сказали, только что приведенныя двѣ статьи были подготовительными работами къ курсу лекцій. Въ 1883 году В. И. Сергѣевичъ выпустилъ свои „Лекціи и изслѣдованія“. Это, можно сказать, капитальнѣйшая изъ его работъ. если не считать „Юридическихъ древностей“. Послѣдующія изданія лекцій были или перепечаткой этого изданія (въ 1885 г.) или съ нѣскольکو сокращеннымъ содержаніемъ (въ 1890 г.) ²⁾. Мы не будемъ останавливаться на фактическомъ содержаніи „Лекцій и изслѣдованій“, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, а передадимъ лишь его оглавленіе, такъ какъ, очевидно, что по такому же плану будетъ издаваться тотъ трудъ В. И. Сергѣевича, который и составляетъ специальную задачу настоящаго разбора. Согласно вышеприведенному мнѣнію, авторъ дѣлитъ русскую исторію на три періода: княжескій, московско-царскій и императорскій. Въ каждомъ изъ нихъ разсматривается: 1) источники права, 2) государственное право, 3) уголовное право. 4) гражданское (семейное, вещное и наследственное) и судопроизводство. Въ отдѣлѣ государственнаго права разсматривается устройство и управленіе. Этими мы ограничимся ³⁾ для выясненія общихъ взглядовъ В. И. Сергѣевича, на сколько они выяснились въ предыдущихъ его трудахъ.

II.

Разбираемый нами трудъ проф. Сергѣевича названъ „Русскія юридическія древности“; самое названіе ихъ приводитъ на память известное сочиненіе Якова Гримма „Deutsche Rechtsalterthümer“. Вотъ какъ опредѣляетъ Гриммъ задачу изслѣдователя юридическихъ древностей, сравнивая его съ юристомъ историкомъ ⁴⁾: „Ich... will den Unterschied erklären, der zwischen dem historischen Rechtsgelehrten eintritt und dem Alterthumsforscher. Jener erläutert das neue aus

¹⁾ Стр. 74 и сл.

²⁾ Нѣтъ „Территоріи“.

³⁾ Кроме названныхъ статей, В. И. Сергѣевичемъ редактированы IV, VIII, XIV, XXXII, XXXVI и XLIII тт. „Сборника Императорскаго Историческаго Общества“, гдѣ содержатся матеріалы Екатерининской комиссіи для составленія уложенія, и написаны рецензіи: 1) соч. *Затярковича* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1876, ч. 183, № 1 (январь), стр. 204—235; 2) изд. *Полномощи* матеріалы Екатерининской комиссіи, *Вѣстникъ Европы*, 1876 г., № 1, и 3) соч. *Пахмана: Исторія кодификаціи гражданскаго права*, *Вѣстникъ Европы*, 1876 г., № 11.

⁴⁾ *J. Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, Göttingen, 2-te Ausgabe, 1864, Vorrede.*

der Geschichte des alten, dieser das alte aus dem alten selbst und nur hieflswise aus dem jüngerem; jener lässt das ganz veraltete dieser das bloss neue bei Seite liegen. Jener ist gezwungen, das alte dem System des neuen Rechts anzufügen, dieser wird geneigt sein, die viel gestaltige Erscheinung des alten auf ihrer breiteren, freieren Grundlage ruhen zu lassen. In dem Alterthum war alles sinnlicher enstaltet, in der neuen Zeit drängt sich alles geistiger zusammen. Hier ist vorzugweise Erwägung, Begründung und Darstellung geboten, dort Sammlung und einfache Erzählung“. Очевидно, потребности нашего времени, куда “drängt sich alles geistiges zusammen“, заставили уже и самого Я. Гримма отступить от простаго разказа и собиранія древностей и дать рядъ изысканій и доказательствъ. Это мы видимъ и у Ланге въ его “Römische Alterthümer“ и у Шафарика въ его “Славянскихъ древностяхъ“ и даже у Гавриила Успенскаго въ “Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“. Шафарикъ говоритъ ¹⁾: „полное описаніе славянскихъ древностей будетъ содержать въ себѣ, кромѣ изслѣдованія о происхожденіи народа, древнѣйшую внутреннюю и внѣшнюю исторію его, съ самаго отдаленнаго времени, въ какое только можно открыть существованіе славянъ, до той поры, гдѣ начинается настоящая исторія каждаго отдѣльнаго племени“. Этимъ уничтожается, въ сущности, разница между исторіею въ широкомъ смыслѣ и древностями ²⁾. И трудъ профессора Сергѣевича можно разсматривать, какъ исторію древняго нашего права, хотя, слѣдую указанію Гримма, авторъ говоритъ ³⁾: „на новыхъ явленіяхъ московской жизни мы останавливаемся, на сколько они имѣютъ прямое отношеніе къ старинѣ, отрицая ее или дополняя“. И дѣйствительно, разсматривая курсы исторіи русскаго права, напри- мѣръ, Мрочека-Дроздовскаго ⁴⁾, Владимірскаго-Буданова ⁵⁾ и неполный курсъ проф. Загоскина ⁶⁾, мы, оставляя въ сторонѣ различіе взглядовъ, получимъ аналогическое содержаніе; курсы же самого профессора В. И. Сергѣевича совершенно сходны съ его юридическими древностями (разумѣется, въ тѣхъ частяхъ, о которыхъ гово-

¹⁾ Шафарикъ, Славянскія древности, пер. О. Бодискаю, М., 1848, т. I, кн. 1, стр. 4, § 2.

²⁾ Ср. Römische Alterthümer Ланге съ Römische Geschichte Schwegler'a.

³⁾ В. И. Сергѣевичъ, Юридическія древности, т. I, предисловіе.

⁴⁾ Исторія русскаго права, М., 1892.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, 2-е изд., Кіевъ, 1888 г.

⁶⁾ Исторія права Московскаго государства, т. I, Казань, 1877.

рится въ вышедшихъ томахъ послѣдняго сочиненія), отличаясь лишь тѣмъ, что въ курсахъ нѣтъ текста цитатъ, на которыя ссылается авторъ, и кое-что сокращено. Это призналъ и самъ В. И. Сергѣевичъ, отсылая читателей въ послѣднемъ изданіи своихъ лекцій къ долженствующей появиться первой части его юридическихъ древностей¹⁾. Признавъ это, мы невольно должны задать вопросъ: къ чему же въ такомъ случаѣ это изданіе проф. Сергѣевича? Я думаю, что на это можно дать довольно удовлетворительный отвѣтъ: лекціи всегда носятъ характеръ неполнѣ отдѣланной, издаются не въ большомъ числѣ экземпляровъ самими слушателями и только просматриваются профессоромъ. Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, профессоръ не съ равною полнотою читаетъ всѣ отдѣлы своего курса, разнообразно изложениіе изъ года въ годъ. Для экзамена пробѣлы пополняются изданіемъ лекцій, которое дѣлается обыкновенно по изданіямъ предыдущихъ лѣтъ. Очевидно, что со временемъ ученый, желая дать большому кругу читателей свою исторію права въ системѣ, долженъ почти сызнова пересмотрѣть, почистить, такъ сказать, свой курсъ. Вообще, если можетъ быть вопросъ въ этомъ случаѣ, то только относительно заглавія новаго изданія. Но это послѣднее—вещь до такой степени субъективная, что навѣрно никто не станетъ претендовать на автора за то, что онъ взялъ то, а не другое. Но въ названіи профессоръ В. И. Сергѣевичъ выказываетъ тонкую разницу между университетскимъ курсомъ и книгой, назначенной для общаго чтенія; лекціи должны быть, въ нѣкоторомъ родѣ, символомъ вѣры даннаго профессора: онъ долженъ дать въ нихъ своимъ слушателямъ твердое и определенное понятіе о своемъ предметѣ; ученый же не можетъ съ такою самоувѣренностію выступить со своею системою, и вотъ вмѣсто исторіи русскаго права передъ нами лежатъ русскія юридическія древности; еще Гизо указывалъ на отвѣтственность историка, говоря: „Историкъ, едва ли и не болѣе всякихъ другихъ писателей, обязанъ отдавать публикѣ отчетъ о своей личности; онъ ручается за достовѣрность тѣхъ фактовъ, которые онъ намъ рассказываетъ“.

Первый томъ „Русскихъ юридическихъ древностей“ посвященъ территоріи и населенію. Въ книгѣ первой, о территоріи, авторъ разсматриваетъ вопросы о первоначальномъ составѣ и дѣленіи Русской земли, о взаимныхъ отношеніяхъ городовъ и пригородовъ и, наконецъ, о возникновеніи единого Московскаго государства. Вторую книгу составляютъ

¹⁾ Лекціи, изд. 1890 г., стр. 92.

изслѣдованія о населеніи. В. И. Сергѣевичъ дѣлитъ все населеніе на свободныхъ и несвободныхъ. Онъ разбираетъ разные виды несвободныхъ и разнообразные разряды свободного населенія (смерды, закупы, крестьяне, изгой, числяки, ордынцы, дѣлюи, закладни, купцы, гости, посадскіе люди, бояре. вольные слуги, дѣти боярскіе, путные бояре); затѣмъ разсматриваются, какъ отдѣльный видъ населенія, дворовые чины (бояре введенные, окольничіе, дворецкіе, конюшіе, крайчіе, казначей, дворяне думные, оружничіе, постельничіе, стряпчіе съ ключемъ, ловчіе и сокольничіе, печатники и стольники) и дьяки. Поводъ выдѣленія послѣднихъ отдѣловъ авторъ объясняетъ въ предисловіи: „это потому, что дворъ московскихъ государей является дѣятельнымъ факторомъ, существенно изъясняющимъ обликъ высшихъ классовъ населенія. Придворная служба, привлекающая къ себѣ все большія и большія силы, перерабатываетъ старыхъ вольныхъ слугъ въ тѣ чиновные разряды населенія, которые наполняютъ города и уѣзды Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкѣ“ ¹⁾. В. Н. Латкинъ въ рецензій на этотъ томъ ²⁾ упрекаетъ В. И. Сергѣевича за то, что, говоря о населеніи, онъ не упоминаетъ о духовенствѣ. Странно было бы, еслибы авторъ ввелъ въ отдѣлъ о населеніи духовенство, такъ какъ права и обязанности этого послѣдняго вытекаютъ не изъ общихъ правъ и обязанностей всего населенія. Какъ власти гражданскія выдѣлены въ отдѣльную книгу, такъ и власти духовныя должны занимать отдѣльное мѣсто. Томъ второй носитъ заглавіе „Власти“. Первый выпускъ составляетъ „Вѣче и князь“. В. И. Сергѣевичъ въ предисловіи къ этому выпуску замѣчаетъ, что хотя онъ и носитъ то же заглавіе, какъ и магистерская диссертация автора, но не названъ вторымъ изданіемъ, такъ какъ почти цѣликомъ переработанъ. Этотъ выпускъ дѣлится на двѣ книги: 1) вѣче и 2) князь. Въ первой разсматриваются вопросы: гдѣ и когда было вѣче, и объ устройствѣ и исторіи вѣчевыхъ собраній. Во второй изслѣдуется положеніе князя (договорное право, его значеніе, княжескіе сѣзды и конецъ договорнаго права), указывается распредѣленіе волостей между князьями (отношенія князей между собою и съ народомъ) и, наконецъ, говорится о служебныхъ князьяхъ. Въ видѣ дополнительной главы къ этому выпуску является разборъ теоріи родоваго быта по отношенію ея къ княжескому устройству древней Руси.

¹⁾ Предисловіе, стр. II.

²⁾ *Историческій Вѣстникъ*, 1890, стр. 668.

III.

В. И. Сергѣевичъ говоритъ ¹⁾: „наша древность не знаетъ единого „государства Россійскаго“, она имѣетъ дѣло со множествомъ одновременно существующихъ небольшихъ государствъ“. Въ этомъ его воззрѣніе сходно съ воззрѣніями Гизо, по которому исторія Франціи началась также съ отдѣльныхъ государствъ ²⁾, и Г. Вебера, по которому всякое государство начинаетъ свою исторію съ отдѣльныхъ мелкихъ единицъ ³⁾. При этомъ надо замѣтить, что В. И. Сергѣевичъ не считаетъ государство Россійское единымъ и въ смыслѣ народнаго сознанія. Какъ мы увидимъ далѣе, онъ указываетъ на то, что первоначальный лѣтописецъ есть, собственно говоря, лѣтописецъ полякъ ⁴⁾. Въ этомъ онъ расходится кореннымъ образомъ съ славянофилами, по которымъ „единство русскаго народа должно быть аксіомой въ его исторіи“ ⁵⁾, а также и съ новѣйшею школою федераціи князей, представителемъ которой является М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Этотъ послѣдній говоритъ ⁶⁾: „главнымъ основаніемъ союза было сознаніе національнаго единства въ самомъ населеніи“. Такое воззрѣніе В. И. Сергѣевича согласно съ его взглядомъ на національность, по которому эта послѣдняя есть результатъ исторіи и вліянія одинаковыхъ причинъ ⁷⁾. Затѣмъ авторъ указываетъ на то, что первоначально территорія носила названіе „волости“, и говоритъ, что этотъ терминъ „очень хорошо выражаетъ юридическую природу государственной территоріи: все, что находится въ предѣлахъ территоріи, состоитъ подъ одною властью, а потому и составляетъ одно государственное цѣлое — волость“ ⁸⁾. Эти волости состоятъ изъ городовъ и пригородовъ. „Городъ“ означаетъ собственно всякое укрѣ-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 1.

²⁾ „Histoire de la civilisation en France“, Paris, 1862, vol. 1, page 211 sqq.

³⁾ Всеобщая исторія, т. I, стр. 27 sqq., русск. пер. Андреева, М., 1886 г.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 84 sqq.

⁵⁾ В. Лешковъ, Русскій народъ и государство, М. 1868, стр. 93, хотя К. Аксаковъ и признаетъ дробность политическую (Соч., т. I, стр. 144).

⁶⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е, Кіевъ, 1888 г., I, стр. 110° ср. стр. 25 sqq.

⁷⁾ Государство и право въ исторіи (Сборникъ госуд. знаній, Безобразова, т. VII, стр. 51 sqq.).

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 3.

пление съ цѣлью обороны ¹⁾). Городъ образуетъ центръ, и много группируются волости. Такое воззрѣніе на зна вообще господствуетъ въ литературѣ ²⁾). Только Д. совѣтъ стоитъ отдѣльно, отождествляя городъ и волости. мѣніе отличается больше оригинальностью, чѣмъ доказ равно какъ и желаніе его выводить общественную ией Руси изъ городовъ въ селенія, а не наоборотъ, наукою ³⁾).

Интересно замѣтить, что В. И. Сергѣевичъ не началъ изслѣдованія съ семьи, рода, общины и т. п., какъ з напримеръ, А. Никитскій ⁴⁾), а прямо съ политическихъ этимъ онъ избѣгаетъ многихъ спорныхъ вопросовъ, котор же, относятся не къ специально русской исторіи, а къ о рин политическихъ учреждений. Такимъ же образомъ по исторіи римскаго права. Э. Кунце говоритъ просто ⁵⁾): „demgemäss anzunehmen, dass Rom aus der Vereinigung (schen Colonie mit einem sabinischen ver sacrum emporwun junge Gemeinwesen im latinischen Verbund blieb, aus Hauptnahrung zog und dann Repräsentant des latinische wurde“; а Игерингъ прямо замѣчаетъ ⁶⁾): „постоящее пол заключается въ томъ, что все это (право, религія и пра существовало уже до Рима, и всѣ основатели Рима прив бою этотъ багажъ“. Опредѣливъ положеніе города въ во. Сергѣевичъ разсматриваетъ взаимныя отношенія городовъ и процессъ сложенія и разложенія волостей. Какъ выдѣленія изъ состава старыхъ волостей новыхъ терри единицъ, авторъ указываетъ на стремленіе пригородовъ, леніемъ, отдѣлиться отъ старшихъ городовъ и затѣмъ князей имѣть независимое отъ другихъ князей положіе. Сергѣевичъ говоритъ ⁷⁾): „Весьма понятное стремленіе

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 4 и прим. 1.

²⁾ См. рец. Ф. И. Леонтовича на соч. Самоковскаго: Древніе (Сборникъ госуд. знаній, Безобразова, т. II, стр. 35).

³⁾ Древніе города Россіи, С.-Пб., 1873, стр. 33 sqq. и 143 s

⁴⁾ Очеркъ внутренней исторіи Пскова, С.-Пб., 1873, стр. 6.

⁵⁾ Cursus des Römischen Rechts, 2-te Auflage. Leipzig, 1879

⁶⁾ „Духъ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его русск. пер., С.-Пб., 1875, стр. 84 sqq.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 13.

жескаго рода, этихъ прирожденныхъ правителей, имѣть независимое отъ другихъ князей положеніе, ведетъ то къ соединенію, то къ дробленію первоначальныхъ волостей. Князь, у котораго была только одна волость, но нѣсколько сыновей, чувствуя приближеніе смерти, старшему сыну даетъ обыкновенно старшій городъ, пригороды же раздѣляетъ между сыновьями, но въ качествѣ самостоятельныхъ волостей¹⁾. Затѣмъ авторъ приводитъ исторію Ростовской волости, какъ иллюстрацію своихъ положеній и для подтвержденія того, что старшіе города постоянно противились дробленію волостей и отдѣленію отъ нихъ пригородовъ. При этомъ онъ указываетъ на то, что, тогда какъ князья не имѣли мысли о единомъ цѣломъ существѣ волости, эта мысль была политическимъ сгедо бояръ¹⁾. Эти вопросы неразрывно связаны съ междукняжескими отношеніями и съ отношеніями князя къ народу, и мы еще къ нимъ вернемся, когда будемъ разсматривать 1-й выпускъ II-го тома. Замѣтимъ, что уже тутъ высказывается мнѣніе В. И. Сергѣевича, что лучшія теоріи и дѣянія владимірскихъ, а потомъ московскихъ князей и царей были дѣломъ бояръ, плодомъ ихъ патріотизма и опытности, при чемъ подъ боярами понимаются не придворные чины, а старые вольные слуги.

Указавъ затѣмъ на то, что волости назывались еще отчинами, не въ смыслѣ современной вотчины, а какъ наименованіе отчаго стола, авторъ замѣчаетъ, что „въ этомъ же... смыслѣ и московскіе князья называютъ своей отчиной Москву и великое княженіе Владимірское, а не въ смыслѣ своей частной собственности“²⁾. Это замѣчаніе надо имѣть въ виду, такъ какъ нерѣдко злоупотребляютъ вотчинной теоріей. В. И. Сергѣевичъ самъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ³⁾: „на первыхъ ступеняхъ развитія мы вездѣ встрѣчаемся съ преобладаніемъ частныхъ началъ надъ общими, государственными“. Но сомнительно, чтобы до-монгольскій періодъ могъ быть названъ первичною формою развитія. Костомаровъ говорилъ⁴⁾: „тѣ заблуждались, которые воображали себѣ, что древніе князья были вотчинниками или владѣльцами своихъ удѣловъ“. Укажемъ здѣсь, что защитникомъ вотчиннаго обладанія князьями своихъ волостей былъ Б. Н.

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 15—30.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 32.

³⁾ Государство и право въ исторіи (Сборникъ госуд. знаній, *Безобразова*, VII, стр. 24).

⁴⁾ Начало единодержавія въ древней Руси (*Вѣстникъ Европы*, 1870, XI, стр. 32).

Чичеринъ ¹⁾. Далѣ В. И. Сергѣевичъ останавливается на политической самостоятельности волостей и говоритъ ²⁾: „волости-княженія... составляли самостоятельныя государства. Все, что находилось въ предѣлахъ территоріи каждаго такого государства, подлежало дѣйствию мѣстной власти“, и далѣ ³⁾: „полная политическая особность волостей есть наша древность“. Это воззрѣніе почтеннаго автора стоитъ, можно сказать, особнякомъ. Противъ него и родовая теорія съ Эверсомъ и С. М. Соловьевымъ, и федеративная теорія Костомарова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова. За него одинъ Б. Н. Чичеринъ, но и тотъ исходитъ изъ совершенно другаго принципа, именно принципа частной собственности. Согласно своей задачѣ, мы не будемъ входить въ оцѣнку ни одного изъ этихъ направленій. Замѣтимъ лишь, что какъ, съ одной стороны, нельзя отрицать внутренней независимости данныхъ волостей, такъ, съ другой, врядъ ли возможно доказать, что взаимныя отношенія ихъ были отношеніями международными (рѣчь идетъ о времени до-монгольскомъ). В. И. Сергѣевичъ говоритъ ⁴⁾: „первые наши князья, Владиміръ и Ярославъ, которыхъ можно назвать князьями правителями, а не предводителями только вольной дружины, не были основателями единаго Россійскаго государства. Представляется въ высшей степени вѣроятнымъ, что такая мысль была чужда князю Владиміру. Что же касается сына его, Ярослава, то завѣщаніе его не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ не смотрѣлъ на современную ему Россію, какъ на единое политическое тѣло“. Замѣтимъ, что со времени Карамзина нѣтъ защитниковъ политическаго единства древней Руси. Вопросъ заключается лишь въ способѣ и принципахъ ея дѣленія. Далѣ авторъ говоритъ, что „волостной порядокъ государственнаго устройства продолжается у насъ до возникновенія Московскаго государства“ ⁵⁾. Честь сознательнаго отношенія къ вопросу о единствѣ своей волости, какъ политическаго цѣлага, В. И. Сергѣевичъ приписываетъ Дмитрію Ивановичу Донскому или, вѣрнѣе, его боярамъ. Авторъ указываетъ, что послѣ смерти отца Дмитрій остался девяти лѣтъ: „но въ этомъ обстоятельствѣ и заключалось чрезвычайно благоприят-

¹⁾ Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей (*Русскій Вѣстникъ*, 1857 г., т. VII, стр. 657, и т. VIII, стр. 6).

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 84.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 87.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 47.

⁵⁾ Ibidem.

ное условіе для успѣшнаго развитія московской территоріи. Въ малолѣтство князей управление находилось въ рукахъ бояръ великаго княженія Владимірскаго¹⁾. Надо замѣтить, что мнѣніе проф. В. И. Сергѣевича по этому вопросу—господствующее въ настоящее время. Далѣе авторъ излагаетъ исторію расширенія территоріи московскихъ князей, пока Иванъ Грозный не оставилъ своему сыну „царство Русское“. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ выясняетъ вопросъ о происхожденіи наименованія „русское“ и касается одного изъ самыхъ спорныхъ и запутанныхъ вопросовъ русской исторіи, именно о происхожденіи Руси. Авторъ начинаетъ съ того, что въ XII вѣкѣ Русью называли землю полянъ, приднѣпровье, Кіевское княженіе. Для этого онъ приводитъ лѣтописныя сказанія по разнымъ спискамъ²⁾. Установивъ такимъ образомъ терминологію, В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что производство слова „Русь“ отъ варяговъ-руси было лишь догадкою перваго лѣтописца по поводу этого и тогда уже спорнаго вопроса³⁾. По этому поводу С. М. Соловьевъ писалъ⁴⁾: „Вопросъ о происхожденіи Руси есть вопросъ лѣтописный. Много было написано, можно еще больше написать изслѣдованій филологическихъ и всякихъ по этому вопросу; но въ основаніи его лежитъ вопросъ о лѣтописи. Кто не согласится рѣшать легко трудные вопросы, тотъ не согласится считать баснею лѣтописное извѣстіе о происхожденіи князей, не согласится признать, что правнуки не знали о происхожденіи своего прадѣда, что народъ, лучшіе въ немъ люди не знали, позабыли, откуда пошла Русская земля“. В. И. Сергѣевичъ съ большимъ основаніемъ раздѣляетъ вопросъ: онъ говоритъ, что весьма вѣроятно сказаніе о призваніи князей изъ-за моря. Что же касается до названія „русь“, то въ виду того, что это названіе имѣетъ одно кіевское княженіе, тогда какъ варяги первоначально основались въ Новгородѣ, Полоцкѣ и вообще на сѣверѣ, надо признать его именемъ не варяжскаго происхожденія⁵⁾. Надо замѣтить, что В. И. Сергѣевичъ не рѣшаетъ вопроса о происхожденіи этого имени. Самъ С. М. Соловьевъ указываетъ, что тогда какъ князья пришли съ сѣвера, названіе „русь“—происхожденія южнаго⁶⁾. Но оба автора, воз-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 63.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 80—84.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 85.

⁴⁾ Начало Русской земли, II (Сборникъ госуд. знан., VII, стр. 6).

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 86—88.

⁶⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I, изд. 4-е, М., 1866, стр. 104.

ражая противъ норманскаго происхожденія имени руси, не входятъ въ разсмотрѣніе готской теоріи ¹⁾. При этомъ позволимъ себѣ замѣтить, что возраженія В. И. Сергѣевича и С. М. Соловьева хотя направлены противъ изслѣдователей, соединявшихъ имя руси съ князьями-варягами, но могутъ служить въ качествѣ возраженій вообще противъ выведенія имени „русь“ съ сѣвера, какъ это дѣлали Костомаровъ, выводя его изъ Литвы ²⁾, и Иловайскій, производя его отъ славянъ ³⁾. Мы, конечно, не можемъ здѣсь входить въ разборъ варяжскаго вопроса. Позволимъ себѣ лишь привести слова нашего историка ⁴⁾: „Если вліяніе норманской народности было незначительно, если, по признанію самыхъ сильныхъ защитниковъ норманства, вліяніе варяговъ было болѣе наружное, если такое наружное вліяніе могли одинаково оказать и дружины славянъ поморскихъ, столько же храбрыя и предпримчивыя, какъ и дружины скандинавскія, то ясно, что вопросъ о національности варяговъ-руси теряетъ свою важность въ нашей исторіи“. Изслѣдованіе о территоріи древней Руси В. И. Сергѣевичъ кончаетъ опредѣленіемъ времени и условій передачи имени Русскаго государства Московскому княженію. Онъ говоритъ ⁵⁾: „къ наименованію царства Русскаго примѣнено оно (имя Руси) лишь московскими великими князьями и, думается намъ, не безъ вліянія церковнаго единства Русской земли, которое на много вѣковъ опередило наше государственное единство“. Авторъ указываетъ, что митрополиты стали называться русскими отъ Кіева. Перейдя въ Москву, они продолжали именоваться „всея Руси“. Князья московскіе присоединили къ своему титулу это „всея Руси“, чтобы не казаться ниже власти духовной ⁶⁾. Замѣтимъ здѣсь, что В. И. Сергѣевичъ не затрагиваетъ

¹⁾ *Васильевскій*, Византія и печенѣги (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1872, № 11 — 12), Русско-византійскіе отрывки (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1876, №№ 3 и 6).

²⁾ Тезисъ его теоріи въ Архивѣ историч. и практич. свѣд., *Калачова*, 1860—1861 г., I, стр. 90 зяд.

³⁾ О мнимомъ призваніи варяговъ, М., 1871.

⁴⁾ *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, т. I, изд. 4-е, М., 1866, стр. 310. Вообще о варяжскомъ вопросѣ см. *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская исторія. С.-Пб., 1872, т. I, стр. 89—96. Укажемъ, что нѣкоторые, напримѣръ, Шевыревъ, считали норманское вліяніе значительнымъ (*Исторія русской словесности*, т. I, ч. 1, гл. 2. С.-Пб., 1887, изд. 3, стр. 47).

⁵⁾ *Юридич. древности*, I, стр. 89.

⁶⁾ *Юридич. древности*, I, стр. 89—90. Позволимъ себѣ замѣтить, что уже Иванъ III Васильевичъ назывался: „Іоанъ Божією милостію великіи Государь царь всеа

въ этомъ мѣстѣ вопроса о возникновеніи московскаго самодержавія и единоедержавія, которыя возбуждали и возбуждаютъ столько теорій и споровъ ¹⁾, но рѣшаетъ только вопросъ о терминѣ Русскаго государства. Этимъ авторъ кончаетъ первую часть перваго тома своихъ „Юридическихъ древностей“. Нарисованная имъ картина территориальнаго устройства древней Руси соприкасается съ массою другихъ вопросовъ, и поэтому самъ авторъ возвращается къ нему при изслѣдованіи власти вѣча и князя. Территорія является лишь формой, въ которую выливается строй жизни; отношенія городовъ и пригородовъ непосредственно связаны съ вѣчевымъ порядкомъ. Сложеніе и разложеніе волостей — результатъ въ значительной степени княжескихъ между собою отношеній. Созданіе единаго Русскаго государства есть слѣдствіе приобрѣтательной дѣятельности московскихъ князей. Народное же сознаніе, даже послѣ великаго акта единенія въ защиту православія, не твердо остановилось на мысли о единомъ государствѣ. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ²⁾: „но и царство Русское и государство Московское все еще продолжаетъ состоять изъ разныхъ государствъ... Волостная старшина потеряла уже всякій живой смыслъ въ Московскомъ государствѣ, а въ языкѣ продолжаетъ еще жить“.

IV.

Книга вторая перваго тома „Русскихъ юридическихъ древностей“ посвящена вопросу о населеніи. Авторъ говоритъ въ самомъ началѣ ея ³⁾: „Древняя исторія каждаго народа начинается съ неизвѣстнаго нашему времени дѣленія людей на свободныхъ и рабовъ. Это дѣленіе составляетъ принадлежность и нашего древняго права“. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ приступаетъ къ разсмотрѣнію положенія несвободнаго населенія древней Руси. Указавъ, что несвободные люди существовали у насъ подъ разными именами, онъ разбираетъ два вида холоповъ: полные холопы (которыя положеніе было то же, что и всѣхъ до нихъ

Руси Володимирскіи, Московскіи и Новгородскіи и Псковскіи и Тверскіи и Югорскіи и Вятскіи и Прѣмскіи и Болгарскіи и иныхъ“ (см. *Востоковъ*, Опис. рукоп. Румянцевскаго музея, № XLIV, 5, стр. 60).

¹⁾ См., напримѣръ, соч. *Костомарова*: Начало единоедержавія въ древней Руси (*Вѣстникъ Европы*, 1870, № 12), *Иловайскаю*: Исторія Россіи, т. III, *Дьяконова*: Власть московскихъ государей, С.-Пб., 1889; *В. И. Сергѣевича*: Лекція, изд. 1890 г., стр. 244—254.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 91—92.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 93.

существовавших несвободных), и холопы кабалные, возникшіе въ XVI вѣкѣ. Мы послѣдуемъ за авторомъ. Онъ указываетъ, что въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ не опредѣлены права господина по отношенію къ холопу, хотя многіе говорятъ объ этихъ послѣднихъ ¹⁾. Объясняется это тѣмъ, что институтъ рабства, происходящая изъ обычая, древнѣ всякихъ указовъ. Вообще, хотя на холоповъ смотрѣли, какъ на собственность господина, но не могли не различать того, что есть разница между собственностью-человѣкомъ и всякою другою собственностью. Поэтому по отношенію къ холопамъ существуетъ отдѣльный отъ другихъ вещныхъ отношеній рядъ законовъ. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ рассматриваетъ пространство правъ господина на раба по Русской Правдѣ и опредѣляетъ цѣну ихъ, полемизируя съ проф. Мрочекъ-Дроздовскимъ о словѣ „рядовичъ“, которое В. И. Сергѣевичъ понимаетъ, какъ „простой рабъ“, а проф. Мрочекъ-Дроздовскій, какъ „приказчикъ“ ²⁾. Послѣ сего авторъ излагаетъ послѣдствія вины холоповъ. Онъ указываетъ, что за кражу холопы не наказываются, такъ какъ они несвободны; хозяинъ ихъ долженъ только заплатить убытки или выдать раба пострадавшему. Что же касается другихъ преступленій, то авторъ полагаетъ, что до временъ сыновей Ярослава Владиміровича пострадавшій могъ расправиться съ рабомъ, какъ онъ пожелаетъ, могъ даже убить его. Съ этого же времени постановлено, чтобы за ударъ холопа не убивали, а могли его только бить. Замѣтимъ здѣсь отличіе воззрѣнія В. И. Сергѣевича на институтъ рабства отъ воззрѣній другихъ изслѣдователей: онъ рассматриваетъ его въ отдѣлѣ государственнаго права, тогда какъ Владимірскій-Будаповъ ³⁾ и Ключевскій ⁴⁾ считаютъ холопство институтомъ гражданскаго права. Б. Н. Чичеринъ ⁵⁾ занимаетъ середину между ними, видя въ вышеприведенномъ случаѣ удара холопомъ свободнаго мужа единственный примѣръ уголовной отвѣтственности холопа. В. И. Сергѣевичъ возражаетъ ⁶⁾: „всякая вина его (раба)... имѣла лично для него послѣд-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 97.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 101.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, К., 1888, 2-е изд., стр. 85.

⁴⁾ Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи (*Русская Мысль*, 1885 г., стр. 2).

⁵⁾ Опытъ по исторіи русскаго права, М., 1868, стр. 150, „Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка“.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 105.

ствія⁴. Укажемъ, что врядъ ли можно безъ нѣкоторой натяжки разсматривать положеніе холоповъ въ отдѣлѣ гражданскаго права; по крайней мѣрѣ историки римскаго права относятъ этотъ вопросъ въ отдѣлъ государственнаго права¹). Согласно своему взгляду на положеніе холопа, В. И. Сергѣевичъ тотъ фактъ, что если рабъ скроется въ домѣ господина, то онъ тамъ въ безопасности отъ мести имъ оскорбленнаго, разсматриваетъ, какъ институтъ убѣжища; между тѣмъ г. Владимірскій-Будановъ говоритъ²): „злодѣянія, совершаемыя холопами, не считаются преступленіями и не влекутъ для него уголовныхъ взысканій ... отвѣтственнымъ лицомъ предъ потерпѣвшимъ является господинъ холопа“, В. И. Сергѣевичъ говоритъ³): „уже съ Юрслана, то-есть, съ первой половины XI вѣка, рабы, при столкновеніи ихъ съ третьими лицами, не были предоставлены полному ихъ произволу. Вопросъ о винѣ ихъ рѣшается судомъ“. Лучшимъ основаніемъ для мнѣнія о томъ, что рабы были не простыми объектами права, служить то, что, по словамъ В. И. Сергѣевича, ограниченіе права господина по отношенію къ рабамъ является уже въ XII вѣкѣ⁴). Затѣмъ авторъ указываетъ на гуманитарное вліяніе церкви. Онъ указываетъ на ограниченія правъ господина на рабынь, на полученія проповѣдниковъ русской церкви и приводитъ два указа—Бориса Годунова и Шуйскаго, изданные въ пользу рабовъ⁵). Далѣе В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ вопросъ объ имуществѣ рабовъ. Онъ говоритъ⁶): „какъ это на нашъ взглядъ ни странно, но есть въ памятникѣ первой половины XIII вѣка статья, которая предполагаетъ у рабовъ собственное имущество и наследниковъ этого имущества“. Это, по мнѣнію автора, не новый законъ (вопреки мнѣнію Чичерина и Владимірскаго-Буданова), а „порядокъ вещей... исконный, ... наша старина“⁷). Рабы вообще служили посредниками въ совершеніи господами различныхъ сдѣлокъ. Это общій порядокъ вещей, какъ у насъ, такъ и въ Римѣ⁸). Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ

¹) *E. Künze, Cursus des Römischen Rechts, Leipzig, 1879, 2-e Auflage, Ss. 45 und 46.*

²) Обзоръ исторіи русскаго права, К., 1888, 2-е изд., стр. 261.

³) Юридич. древности, I, стр. 110.

⁴) Юридич. древности, стр. 111.

⁵) Юридич. древности, I, стр. 112—116.

⁶) Юридич. древности, I, стр. 116.

⁷) Юридич. древности, I, стр. 118.

⁸) Ср. 1, I, D. L. XV: *si cum impubere filio familias vel servo contractum sit. ita dabitur in dominum vel patrem de peculio*⁴.

разсматриваетъ положеніе различныхъ видовъ холоповъ и указываетъ, что въ качествѣ тиуновъ и ключниковъ эти послѣдніе исполняли даже обязанности судей и приказныхъ людей. Тутъ онъ касается вопроса о ключѣ. По мнѣнію автора, это символъ власти. Деревни покупаются на ключъ, холопы даются на ключъ; по ключникамъ же, управлявшимъ извѣстными деревнями, самыя села дѣлятся на ключи ¹⁾. Далѣе указывается, что исправленіе холопами различныхъ должностей государственныхъ продолжается еще въ концѣ XVI вѣка и говорится ²⁾: „Итакъ старыя холопы не совѣмъ то, что мы привыкли понимать подъ безгласной собственностью, подъ вѣщью“. Различные виды холоповъ по ихъ близости къ господамъ пользовались различнымъ положеніемъ. Есть и большіе и меньшіе между ними. Разница эта выражалась, между прочимъ, въ различной оцѣнкѣ ихъ по случаю убійства. Кромѣ того, у холоповъ есть честь, и „при томъ высшая, чѣмъ у крестьянъ“ ³⁾. Что касается до собственнаго имущества холоповъ, то послѣднее „принадлежало имъ попущеніемъ ихъ господъ“ ⁴⁾. Хотя иска у рабовъ на господина нѣтъ, но они „сами отвѣчаютъ за себя на судѣ (по имуществу), допускаются ко всякимъ суднымъ дѣйствіямъ“ ⁵⁾. Разсмотрѣвъ положеніе полного холопа, В. И. Сергѣевичъ переходитъ къ способу его установленія. „Плѣнъ есть, конечно, одинъ изъ древнѣйшихъ способовъ установленія рабства“ ⁶⁾. Затѣмъ Русская Правда (Троицкій сп. ст. 102—104) говоритъ: „Холопство обельное трое: оже кто хотя купить до полугривны, а послухи поставитъ, а ногату дать передъ самѣмъ холопомъ. А второе холопство: поиметь робу безъ ряду; поиметь ли съ рядомъ, то како ся будетъ рядилъ, на томъ же стоитъ. А се третье холопство: тивунство безъ ряду или привяжетъ ключъ къ собѣ безъ ряду; съ рядомъ ли, то како ся будетъ рядилъ на томъ же стоитъ“ ⁷⁾. По этому поводу В. И. Сергѣевичъ говоритъ ⁸⁾: „Древнему времени была чужда всякая забота объ огражденіи свободнаго состоянія человѣка.... древность заботилась только о томъ, чтобы

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 121.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 123.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 123.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 124.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 129.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 131.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 133—141.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 133.

фактъ добровольной продажи себя былъ точно удостовѣренъ¹⁾. Простая продажа самого себя въ рабство продолжалась до XV вѣка, когда уже порядокъ заключенія этой сдѣлки усложнился большими формальностями, именно актъ продажа себя въ рабство долженъ былъ совершаться передъ извѣстнымъ правительственнымъ агентомъ. Этотъ актъ носить названіе доклада, и холопы отъ него стали называться докладными холопами. По поводу доклада В. И. Сергѣевичъ полемизируетъ съ проф. Ключевскимъ, который думаетъ²⁾, что докладными холопами были только ключники. Авторъ разбираемаго нами труда говоритъ³⁾: „Надо думать, что авторъ (г. Ключевскій) наведенъ на такое заключеніе выраженіемъ докладныхъ грамотъ „даются мнѣ на ключъ“.... Выше мы имѣли уже случай объяснить значеніе термина купить на ключъ“. Онъ указываетъ, что это символъ того, что одинъ человѣкъ отдается подъ власть другаго. Что касается разныхъ видовъ холопства, то всѣ они одинаковы по своему качеству *hominis alieni juris*, каковъ бы ни былъ способъ установленія ихъ⁴⁾. Кромѣ добровольной продажи себя въ рабство, были слѣдующіе способы стать рабомъ: бракъ съ несвободнымъ, ключъ, преступленіе и несправное долговое обязательство⁵⁾. Что касается до способовъ прекращенія рабства, то они сводятся къ очень немногимъ: это отпущеніе на волю при жизни, которое съ теченіемъ времени дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, благодаря различнымъ формальностямъ; отпущеніе на волю по духовному завѣщанію; освобожденіе рабовъ правительствомъ за дурное съ ними обращеніе; измѣна господина и крещеніе раба у некрещеннаго иноземца⁶⁾. Очертивъ положеніе полного холопа, В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ отдѣльный видъ холопства, возникшій въ XVI вѣкѣ, именно холоповъ кабалныхъ. Авторъ указываетъ на то, что постепенно проценты по заемнымъ роспискамъ (кабаламъ) стали уплачиваться натурою, работою должника. Такъ какъ весь его трудъ шелъ на уплату процентовъ, то онъ становился почти въ безвыходное положеніе, не имѣя ничего для уплаты капитала. Судебникъ 1550 г. уже считаетъ нужнымъ регулировать этотъ институтъ, ограничивая возможность дѣ-

¹⁾ Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи, (*Русская Мысль*, 1885, № 8, стр. 19 sqq.).

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 135, примѣч.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 137.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 139—145.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 145—147.

латься кабалнымъ холопомъ ¹⁾). Послѣдующіе законодательные памятники стараются также по возможности уменьшить этотъ порядокъ, ограничивая и срокъ службы кабалнаго холопа и устанавливая докладъ для заключенія кабалной записи. Замѣтимъ при этомъ, что вопросъ о кабалныхъ холопахъ принадлежитъ къ довольно спорнымъ вопросамъ. Проф. Владимірскій-Будановъ думаетъ ²⁾, что договоръ кабалы былъ отдѣльно отъ договора займа. Проф. Ключевскій считаетъ институтъ кабалнаго холопства очень важнымъ въ дѣлѣ установленія взаимныхъ отношеній различныхъ классовъ Московскаго государства. Онъ указываетъ, что кабалное холопство, получивъ нѣкоторыя черты отъ холопства полного докладнаго, въ свою очередь оказало на послѣднее сильное вліяніе, постепенно его вытѣснило и послужило однимъ изъ основаній крѣпостнаго права ³⁾. В. И. Сергѣевичъ совершенно раздѣляетъ докладное холопство и кабалное ⁴⁾. Постепенно, правда, велѣно было брать кабалы на тѣхъ людей, которые служили добровольно не менѣе полугода. Но до половины XVII вѣка у насъ продолжаетъ рядомъ существовать и холопство полное. Только Уложеніе постановило, чтобы вмѣсто продажи себя въ рабство люди давали служилую кабалу ⁵⁾. Но и въ это время полное холопство поддерживалось рожденіемъ отъ старыхъ холоповъ. Въ заключеніе изслѣдованія положенія несвободной части населенія древней Руси В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ статьи Уложенія о холопахъ, выводя изъ того, что Уложеніе запрещаетъ рабамъ имѣть имущество и вообще лишаетъ ихъ нѣкоторыхъ правъ, то слѣдствіе, что раньше они пользовались этими правами ⁶⁾. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что вопросъ о положеніи рабовъ всегда очень сложенъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ зиждется на обычаѣ, въ законѣ упоминается по отдѣльнымъ случайнымъ поводамъ, регулируется разнообразными актами, и часто истинное положеніе дѣла едва видно изъ-за завѣсы законодательныхъ положеній.

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 147—152.

²⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, К., 1888. 2-е изд., стр. 137.

³⁾ Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи (*Русск. Мысль*, 1875, № 8, стр. 20—32).

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 154 примѣч.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 156.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 158—160.

V.

„Древняя Россія,—говорить В. И. Сергѣевичъ ¹⁾,—не знала словій. Они народились только въ московскую эпоху; во времена предшествовавшія можно наблюдать лишь слабые ихъ зародыши“. Затѣмъ авторъ указываетъ, что все свободное населеніе носило названіе „мужей“ или въ качествѣ собирательнаго цѣлаго „людіе“. Выдѣлялись лишь изъ общей массы, по занятіямъ, княжескіе мужи и, по экономическому положенію, бѣльшіе люди и меньшіе, или чернь. Различныя разряды меньшихъ людей, смотря по мѣстности и времени, носятъ различныя наименованія: смерды, закупы, изгон, изорники, огородники, кочетники, сироты, серебревики, крестьяне; затѣмъ: „выше смердовъ и крестьянъ стоятъ купцы, а еще выше вольные слуги и бояре“ ²⁾. В. И. Сергѣевичъ начинаетъ обзоръ положенія свободныхъ людей со смердовъ. Авторъ не касается происхожденія слова смердь. Шевыревъ производилъ его отъ шведскаго *smærd* — *hoto pauci*, низшій челоуѣкъ ³⁾. По своему социальному положенію смердь въ тѣсномъ смыслѣ совершенно подходилъ подъ такое опредѣленіе. Но дѣло въ томъ, что слово смердь употреблялось въ древности въ двухъ смыслахъ: „Въ тѣсномъ смыслѣ оно означаетъ пахаря, сельскаго работника“... Но, „означая мелкаго челоуѣка, слово смердь можетъ быть, однако, примѣнено и ко всему населенію“ ⁴⁾. В. И. Сергѣевичъ, по аналогіи съ словомъ мужъ, которое сперва означало все населеніе, а потомъ стало примѣняться лишь къ низшей его части, думаетъ, что смердь первоначально употреблялось въ болѣе широкомъ смыслѣ, а потомъ уже въ болѣе тѣсномъ ⁵⁾. Въ этихъ двухъ значеніяхъ слово смердь употреблялось, пока оно вообще употреблялось. Что касается до его юридическаго положенія, то авторъ разбираемаго труда говоритъ ⁶⁾: „Смерды составляютъ свободное населеніе. Это совершенно ясно изъ Русской Правды“. Смерды составляютъ низшій слой свободнаго населенія, они живутъ трудами рукъ своихъ

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 161.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 165.

³⁾ Исторія русской словесности, С.-Пб., 1887 г., изд. 3-е, т. I, ч. 1, гл. 2, стр. 48.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 166.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 167.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 170.

и, по общему правилу, занимаются земледѣліем¹⁾. Нѣкоторыхъ изслѣдователей смущало то обстоятельство, что убійство смерда цѣнилось ниже нѣкотораго вида хлоповъ. Но В. И. Сергѣевичъ справедливо говоритъ²⁾: „По московскимъ памятникамъ XVI вѣка честь лучшихъ боярскихъ холоповъ оцѣнивалась въ пять разъ больше чести свободныхъ крестьянъ. Поэтому не можетъ представлять ничего удивительнаго, что по памятникамъ XI вѣка за смерть княжескаго холопа взыскивали не менѣе того, что полагалось за смерть смерда“. Затѣмъ авторъ указываетъ, что смерды могутъ достигать высшихъ ступеней³⁾. В. И. Сергѣевичъ по поводу нихъ полемизируетъ съ В. И. Лешковымъ, Никольскимъ, Никитскимъ, Цитовичемъ, Ключевскимъ и Владимірскимъ-Будановымъ. Первые четверо считаютъ смердовъ въ зависимости отъ князя, тогда какъ Русская Правда противопоставляетъ княжого коня коню смерда. В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ⁴⁾ по этому поводу: „Но въ Русской Правдѣ княжой тивунъ противопоставляется тивуну боярскому; авторы, мнѣнія которыхъ мы разсматриваемъ, кажется, не замѣтили этого противоположенія, иначе они должны были бы говорить о такой же зависимости бояръ отъ князя, въ какой находились отъ него смерды. Отъ одинаковой зависимости имъ бы слѣдовало заключить и къ одинаковости соціального положенія смердовъ и бояръ“. Затѣмъ, проф. Ключевскій считаетъ смердовъ государственными крестьянами, Владимірскій-Будановъ также. Для доказательства приводятъ извѣстный эпизодъ съ Яномъ Вышатичемъ. В. И. Сергѣевичъ не разсматриваетъ здѣсь этого факта, считая его уже разъ навсегда яснымъ: кудесники были смердами, то-есть, подданными Святослава; поэтому Янъ ихъ требуетъ не какъ рабовъ слесого князя, а какъ преступниковъ, подлежащихъ суду ихъ князя. Что касается до теоріи, признающей смердовъ государственными крестьянами, то несостоятельность ея вытекаетъ, если стать на точку зрѣнія В. И. Сергѣевича, изъ отсутствія единой опредѣленной государственной территоріи у cadaго изъ князей. Авторъ этого не говоритъ, но это слѣдуетъ само собою. Слѣдующимъ видомъ свободного населенія древней Руси были закупы. Слово закупъ объясняется въ Русской Правдѣ, какъ наймитъ. Но почему же онъ называется закупомъ? Слово купить

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 171.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 172.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 173.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 176.

въ старину означало и наемъ. А потому, кто хотѣлъ указать, что онъ вещь не нанялъ, а приобрѣлъ въ собственность, то говорилъ: „купилъ въ прокъ“, „купилъ въ дернъ“, „въ вѣкъ“ и т. д. Такое употребленіе слова купить въ смыслѣ найма и донинѣ встрѣчается въ Лужскомъ уѣздѣ ¹⁾. Въ толкованіи слова закупъ В. И. Сергѣевичъ полемизируетъ съ К. А. Неволнымъ, который по одной грамотѣ думаетъ, что закупъ значить залогъ. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что слово закупъ употребляется тамъ попеременно со словомъ продажа. Но такъ какъ памятникъ, на который ссылается Неволный, принадлежитъ къ XVII вѣку, то слово продажа употреблено уже въ современномъ его значеніи ²⁾. Укажемъ, что вмѣсто словъ „купля-продажа“ во Псковѣ даже въ концѣ XV вѣка употребляли слова: дать водерень, грамота дерноватая ³⁾. М. Ф. Владимірскій-Будановъ опредѣляетъ иначе положеніе закупа. Онъ говоритъ ⁴⁾: „Закупъ—человѣкъ взявшій въ долгъ деньги и отработывающій ихъ личнымъ трудомъ, а не нанявшій имущество другаго—участокъ земли и взявшій деньги на обзаведеніе: слѣдовательно закупничество не есть только личный закладъ (должника кредитору), а есть результатъ соединенія договора займа съ договоромъ личнаго найма и найма имущества“. Проф. Ключевскій говоритъ ⁵⁾: „Кабальные холопы XV и XVI вѣка были тѣ же закупы Русской Правды, полусвободные люди, вступавшіе во временную, условную зависимость, но при этомъ не терившіе права личности и не перестававшіе быть членами русскаго общества“. В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ ⁶⁾: „Закупа Русской Правды имѣтъ основанія приравнивать къ кабальному холопу. Кабальный холопъ служилъ за проценты съ занятаго капитала; закупъ же служить за наемную плату и погашаетъ свой долгъ, если беретъ плату впередъ, работой“. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ положеніе закуповъ. Закупъ имѣетъ свою собственность и отвѣчаетъ за убытки, причиненные имъ нанемателю. Авторъ говоритъ про закуповъ: „Это бѣдные люди, ко-

¹⁾ Юридич. древности, т. I. стр. 177.

²⁾ Ibidem, примѣч.

³⁾ *Востоковъ*, Опис. рукописей Румянц. музея, № LIV, стр. 87, обводная грамота 1491 года.

⁴⁾ Хрестоматія по исторіи русск. права, вып. I, К., 1885, стр. 58—59, примѣч. 97.

⁵⁾ Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи (*Русская Мысль*, 1885, № 8, стр. 11).

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 178.

торые ни плуга, ни бороны не имѣютъ. Весь рабочій припасъ получаютъ они отъ нанимателя, живутъ въ его дворѣ, пасутъ его скотъ и исполняютъ всякія его порученія. Такіе наемники, если берутся для пашенныхъ работъ, носятъ наименованіе ролейныхъ закуповъ¹⁾. Какъ свободный человѣкъ, закупъ заключаетъ договоры и имѣетъ право иска даже противъ нанимателя. Явный уходъ со двора господина для займа денегъ и даже побѣгъ для принесенія на него жалобы не ведутъ къ рабству. Но онъ все-таки не самостоятельный человѣкъ, а слуга другаго человѣка. Этимъ надо объяснить, что закупы хотя несомнѣнно были свободными людьми, но подлежали нѣкоторому ограниченію своихъ правъ²⁾. Что касается того постановленія, что сбѣжавшій закупъ дѣлается холопомъ, то оно выражаетъ собою стремленіе нанимателя стѣснить свободу наймита³⁾. Вопросъ о закупкахъ В. И. Сергѣевичъ заканчиваетъ подробнымъ обзоромъ литературы этого вопроса⁴⁾. Онъ полемизируетъ противъ мнѣнія, считающаго ихъ самозалогомъ (Мейеръ, Неволинъ и Чичеринъ), и противъ проф. Бѣляева, считающаго обыкновенныхъ закуповъ прототипомъ кабалныхъ хлоповъ, а ролейныхъ—прототипомъ владѣльческихъ крестьянъ. Укажемъ, что далѣе В. И. Сергѣевичъ приводитъ институтъ залога людей самихъ себя—это „закладни“, но это институтъ отдѣльный отъ закуповъ⁵⁾. Земледѣльцы древней Руси, такъ же какъ и теперь, носятъ названіе „крестьянъ“. Вопросъ о крестьянахъ затрагиваетъ два очень интересныхъ, но очень спорныхъ пункта, именно—общинное устройство и крѣпостное право. В. И. Сергѣевичъ начинаетъ обзорнѣе положенія крестьянъ съ указанія происхожденія этого слова изъ „христианинъ“⁶⁾. Замѣтимъ здѣсь, что въ наименованіяхъ разныхъ классовъ общества мы замѣчаемъ одну особенность, именно употребленіе цѣлаго виѣето части (*totum pro parte*). Мы видѣли раньше, что слово смердъ сперва употреблялось въ широкомъ смыслѣ народа, а потомъ примѣнительно лишь къ низшей его части, слово крестьянъ

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 180. Позволимъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе: В. И. Сергѣевичъ и другіе ученые не знаютъ какъ объяснить наименованіе „войскій“ конь. Нельзя ли его поставить въ связь съ именемъ „подвойскаго“, встречающагося въ Новгородской судной грамотѣ (ст. 23)

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 181—182.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 183—184.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 184—190.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 269 вѣд.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 191.

нинь—также. Укажемъ еще, что нѣмецкое *Sklaven* произошло отъ имени побѣжденныхъ славянъ ¹⁾. Словами „народъ, люди“, у насъ называютъ простой народъ, равно какъ въ Римѣ словомъ *homo* означали лишь рабовъ ²⁾. Интересно, кстати, что тогда какъ у насъ наименованіе земледѣльческаго класса было почетное съ точки зрѣнія религиозной, въ католическихъ странахъ къ сельскому населенію примѣнялось названіе язычниковъ—*pagani* ³⁾. „Быть крестьяниномъ,—говоритъ В. И. Сергѣевичъ,—значить занимать на себя опредѣленный участокъ пахатной земли“ ⁴⁾. Въ этомъ смыслѣ говорить о нихъ Судебное Уложеніе. Кроме того, ихъ называютъ просто: люди, сироты. Въ Псковской грамотѣ зовутъ ихъ: изорники, огородники, кочетники ⁵⁾. „Крестьяне сидятъ или на чужихъ, владѣльческихъ земляхъ, къ которымъ мы относимъ и княжескія, или на своихъ собственныхъ“, къ которымъ В. И. Сергѣевичъ относитъ и волостныя тяглыя земли ⁶⁾. На владѣльческихъ земляхъ они сидятъ на основаніи извѣстнаго договора, ряда; „дошедшіе до насъ памятники, въ которыхъ есть указаніе на свободный переходъ, принадлежатъ ко времени сравнительно позднему. Они не старѣе XIV вѣка. Но нѣтъ никакого основанія думать, что это новый порядокъ вещей. Свободный переходъ крестьянъ есть исконное явленіе“ ⁷⁾. При этомъ переходъ дозволяется не только въ предѣлахъ одного княжества, но и изъ одного княженія въ другое. Такой переходъ не только предполагается грамотами, но и поощряется ими. То обстоятельство, что въ договорахъ князей между собою не упоминается о свободѣ такого перехода крестьянъ, подало поводъ къ мнѣнію, что онъ запрещался. Между тѣмъ запрещается лишь самовольный выводъ (безъ извѣщенія мѣстнаго начальства) должника и холопа ⁸⁾.

Древнѣйшую попытку ограничить переходъ крестьянъ за предѣлы волостной территоріи встрѣчаемъ мы въ Великомъ Новгородѣ. Но и это не запрещеніе крестьянамъ самимъ переходить, а обязательство московскихъ князей и служилыхъ людей самимъ не вызы-

¹⁾ *Шафарикъ*, Славянскія древности, пер. О. Бодляскаго, М., 1848, изд. 2-е, т. I, кн. 1, стр. 89—91 и примѣч. 6; тамъ же много другихъ примѣровъ.

²⁾ *Derndurg*, Pandekten, 1-er Band, Berlin, 1884, § 108, § 49, Anmerk. 1.

³⁾ *Ambrosii Calepini Bergomatis Lexicon*, ed. 1523, sub vocab. „*Paganus*“.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 191.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 191—193.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 193.

⁷⁾ *Ibidem*.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 195.

вать новгородскихъ крестьянъ ¹⁾). Свобода перехода изъ княженія въ княженіе предполагала, какъ необходимое условіе, свободу перехода въ предѣлахъ отдѣльныхъ княженій. Подати и всякаго рода повинности были распределены между крестьянскимъ населеніемъ въ высшей степени неровно ²⁾. (Позволимъ себѣ замѣтить, что со второй половины XVI вѣка въ методѣ обложенія произошелъ переворотъ въ смыслѣ нѣкотораго уравненія податей) ³⁾. Неравенство экономического положенія владѣльческихъ и не владѣльческихъ крестьянъ повело къ ограниченію права перехода крестьянъ не владѣльческихъ на владѣльческія земли ⁴⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ рассматриваетъ условія, на какихъ крестьяне занимали владѣльческія земли. Хотя дошедшія до насъ порядныя не старѣ XVI вѣка, но порядокъ, въ нихъ указанный, сложился ранѣе. Самый простой случай былъ, когда крестьянинъ садился на разработанный уже участокъ земли съ готовыми постройками. За это онъ обязывался платить какъ государственныя повинности, такъ и владѣльческую подать, состоящую какъ изъ платы денегъ, такъ и изъ барщины. Кромѣ того, крестьянинъ обязывался хранить полученныя постройки ⁵⁾. Гораздо сложнее содержаніе порядныхъ тѣхъ крестьянъ, которые снимали новыя земли или давно запущенныя старыя, постройки которыхъ развалились и нуждались въ ремонтѣ. За работы надъ приведеніемъ своего участка въ порядокъ крестьянинъ получалъ нѣкоторыя льготы. „Иногда крестьяне получали еще и *подмогу* деньгами, хлѣбомъ, скотомъ“ ⁶⁾. Подмога давалась съ обязательствомъ исправить недостатки того земельного участка, который занятъ крестьяниномъ. Чтобы этотъ послѣдній не ушелъ, не исполнивъ обязательства, устанавливалась неустойка. Отъ подмоги надо отличать заемъ. „Заемъ (по другимъ памятникамъ *сзуда*) есть процентный долгъ, который погашается уплатой полученнаго въ займы капитала. Договоры о займѣ не входятъ въ составъ порядныхъ. Для этой цѣли пишется особый актъ, заемная кабала“ ⁷⁾. Укажемъ здѣсь, что въ связи съ подмогой нѣ-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 195.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 196—197.

³⁾ *Миллюковъ*, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, С.-Иб., 1892, стр. 50.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 197—199.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 200—201.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 201.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 202—203.

которые исследователи ставят происхождение крепостного права. Так П. Н. Милюков, полемизируя с В. И. Сергѣевичемъ, говорит¹⁾, что ссудную запись надо считать переходной ступенью отъ крестьянъ, сидящихъ на владѣльческихъ земляхъ, къ крестьянамъ крепостнымъ. Вообще какъ онъ, такъ и Ключевскій стремятся подмѣнить постепенный переходъ отъ одного института къ другому. В. И. Сергѣевичъ же указываетъ, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакой связи, и что крепостное право было дѣломъ указа 1584—1585 года²⁾. В. И. Сергѣевичъ предлагаетъ свое объясненіе для издѣльнаго серебра; онъ говоритъ³⁾: „за право пользованія владѣльческой землей крестьяне обязывались, на основаніи порядныхъ, нести въ пользу землевладѣльца извѣстныя повинности. Они должны были работать на него (дѣло дѣлать) и платить ему денежный и хлѣбный оброкъ... Серебро въ пашнѣ и есть крестьянскій денежный оброкъ, который обратился въ долгъ, потому что не былъ уплоченъ въ срокъ“. И далѣе⁴⁾: „если предлагаемое объясненіе вѣрно, то только ростовое серебро есть ссуда, а не издѣльное“. Укажемъ здѣсь, что приводимый П. Н. Милюковымъ⁵⁾ характерный (по его мнѣнію) образецъ ссудной записи соответствуетъ опредѣленію В. И. Сергѣевича и ничуть не указываетъ на то, чтобы это былъ переходъ къ крепостному состоянію. Впервыхъ, крестьянинъ беретъ ссуду деньгами. Это обыкновенный заемъ. Вовторыхъ, то обстоятельство, что онъ обязуется никуда съ этою ссудою не сходить съ владѣльческой земли, ничуть не ставитъ его въ новое положеніе. И до этого времени „кто имѣетъ холопа или должника, а поставитъ передъ волостеломъ, въ томъ ему вини пѣтъ; а выведетъ изъ волости, и передъ волостелемъ не поставитъ, въ томъ ему вина“⁶⁾. Укажемъ, какъ на примѣръ, на порядную запись⁷⁾, напечатанную у М. Ф. Владимірскаго-Бу-

¹⁾ Спорные вопросы финансовой политики Московскаго государства, С.-Пб., 1892, стр. 86.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 245—246.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 203—204.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 204.

⁵⁾ Спорные вопросы финансовой политики Московскаго государства, С.-Пб., 1892, стр. 86.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 194.

⁷⁾ Достоинно замѣчанія, что В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что порядныя иногда назывались ссудными (Русск. Юридич. древности, I, стр. 203, примѣч., а П. Н. Милюковъ замѣчаетъ, что ссудныя иногда называются порядными (Спорные вопросы финансовой политики Московскаго государства, стр. 86).

нова ¹⁾). Тамъ Иванъ Дмитріевъ сынъ, прозвищемъ Мазой, вольный человекъ, съ женою и съ дѣтми порядился въ крестьяне, съ тѣмъ, чтобы и дворъ строить, и хоромы ставить... и луга расчищать. А ссуды онъ взялъ у владѣльца лошадь, корову и хлѣба, ржи и овса и ячменя и всякой дворовой житейской посуды, всего на двѣнадцать рублей. А не учнетъ онъ за владѣльцемъ въ его помѣстьѣ жить во крестьянѣхъ, или живучи не учнетъ государевыхъ податей и его оброковъ платити и издѣля дѣлать и двора строить вновь и т. д. или изъ того помѣстья, за кого онъ вонъ выйдетъ, или заложится и сбѣжить, и на немъ взять владѣльцу по сей записи ссуда все сполна и впредь по сей записи крестьянства сполна. А на оборотѣ сказано: такой-то „сказалъ, что онъ во крестьяня за Ивана Савинова сына Неѣлова съ женою и съ дѣтми порядился и таково порядную запись въ ссудѣ ему... далъ на себя“... О процентахъ нигдѣ ни слова: это обыкновенная порядная съ подмогою. Вообще надо замѣтить, что хотя самъ П. Н. Милуковъ указываетъ на нѣкоторыя ²⁾ крайности проф. Ключевского, но не можетъ освободиться отъ того взгляда, что всякое видоизмѣненіе въ терминѣ и формѣ указывало въ древней Руси на измѣненіе содержанія ³⁾. Напротивъ, по словамъ В. И. Сергѣевича, „наше право весьма долгое время и уже на глазахъ исторіи оставалось въ... состояніи недостаточной определенности, выражавшемся въ единовременномъ дѣйствіи разнообразныхъ началъ обычнаго права и въ разгулѣ индивидуальнаго самопредѣленія“ ⁴⁾. Укажемъ два вѣрныхъ замѣчанія П. Н. Дьяконова. Въ рецензій на цитированный нами трудъ проф. Милукова онъ говоритъ ⁵⁾: „Преимущества въ положеніи, выдвигающія автора „Спорныхъ вопросовъ“ въ рядъ первыхъ знатоковъ нашихъ архивныхъ источниковъ, едва ли, однако, даютъ ему право ставить въ вину другимъ изслѣдователямъ, не стоящимъ въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ, ихъ опыты такъ или иначе осмыслить доступный ихъ наблюденію неполный и случайный матеріалъ“. И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ проф.

¹⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, выд. II, К., 1887, стр. 224—225.

²⁾ Спорные вопросы, стр. 86.

³⁾ Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи (*Русская Мысль*, 1885 г., № 10, стр. 45).

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, С.-Иб., 1894, стр. 12.

⁵⁾ *Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1898, июль, стр. 203.

Дьяконовъ замѣчаетъ ¹⁾: „всѣ имѣющіеся въ виду документы относятся большею частью ко второй половинѣ XVI вѣка и по содержанию своему представляютъ, можно думать, данныя, свидѣтельствующія о томъ, какъ замирало право перехода крестьянъ и посадскихъ людей не только ранѣе 1592 г., но и ранѣе 1584 г. — перваго года царствования Федора Ивановича“. Другими словами, неправы гг. Ключевскій и Милюковъ, связывая переходъ отъ владѣльческихъ крестьянъ къ крестьянамъ крѣпостнымъ съ ссудною записью, но неправъ и В. И. Сергѣевичъ, совершенно отрицая промежуточные стадіи крестьянскаго прикрѣпленія и все приписывая указу 1584 года. Но мы къ этому еще вернемся далѣе. В. И. Сергѣевичъ, разобравъ вопросъ о ссудныхъ и порядныхъ, указываетъ, что въ разныхъ мѣстностяхъ древней Руси и смотря по различію промысловъ крестьяне носили различныя наименованія. Затѣмъ авторъ рассматриваетъ вопросъ объ отказѣ крестьянъ отъ помѣщика. Онъ говоритъ: „крестьянинъ могъ отказаться, не смотря на то, что былъ долженъ господину. Долгъ имѣлъ слѣдствіемъ искъ объ уплатѣ подмоги или ссуды, а не искъ о возвращеніи ушедшаго крестьянина“ ²⁾, и далѣе: „крайнія послѣдствія иска изъ кабалы заключались въ томъ, что должникъ, если съ правежа не платилъ по обязательству, отдавался кредитору заживать свой долгъ“ ³⁾. Не можемъ не привести одного мѣста изъ памятника, указаннаго П. Н. Милюковымъ, которое нѣкоторымъ образомъ колеблетъ категорическое рѣшеніе этого вопроса: „А будетъ я... съ той ссудою... сбѣгу... имѣ... меня... по сей ссудной записѣ взять вольно, гдѣ они меня сыщутъ“ ⁴⁾. Съ другой стороны, приводимыя проф. Дьяконовымъ грамоты времени Ивана Грознаго свидѣтельствуютъ, что какъ въ старину, такъ и тогда запрещали не отказъ крестьянъ, а переманиванье крестьянъ одними владѣльцами у другихъ ⁵⁾. Что касается до сроковъ отказа, то съ одной стороны В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что крестьяне имѣ

---

¹⁾ „Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893, июнь, стр. 339).

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 207.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 208.

⁴⁾ Спорные вопросы, стр. 86. Замѣтимъ, что П. Н. Милюковъ, придавая большую важность названію „ссудная запись“, самъ далѣе указываетъ, что это тоже порядная, приспособленная къ новому порядку вещей.

⁵⁾ Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893 г., июнь, стр. 374—379, приложенія).

не стѣснялись, оставляя владѣльцу лишь право искать убытки ¹⁾, а съ другой стороны проф. Дьяконовъ указываетъ, что и помѣщики этимъ срокомъ не стѣснялись ²⁾. Вообще надо замѣтить, что проф. В. И. Сергѣевичъ не отрицаетъ того обстоятельства, что помѣщики стремились ограничить свободу крестьянъ; онъ только защищаетъ то мнѣніе, что для этого они употребляли мѣры постороннія, въ видѣ кабаль, а это не вытекало изъ порядныхъ того времени ³⁾.

Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ переходитъ къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на черныхъ, тяглыхъ, волостныхъ земляхъ. Онъ опредѣляетъ эти термины и подробно останавливается на вопросѣ о томъ, кто собственникъ земли черныхъ крестьянъ ⁴⁾. Этимъ онъ опять затрогиваетъ въ высшей степени спорный пунктъ. Извѣстно, что направленія славянофиловъ и западниковъ особенно разногласили по вопросу о существованіи до-московской крестьянской общины. Собственно говоря, и тѣ и другіе признавали ея существованіе. Но тогда какъ С. М. Соловьевъ говорилъ ⁵⁾: „нельзя сомнѣваться въ томъ, что и славяне, впоследствии образовавшіе Русское государство, первоначально отправились отъ собственности родовой или патріархальной“, и затѣмъ въ другомъ мѣстѣ ⁶⁾: „съ половины IX вѣка черезъ внесеніе новыхъ общественныхъ элементовъ вслѣдствіе появленія князей варяжскихъ произошло между нашими восточными славянами движеніе, поведшее необходимо къ ослабленію первоначальнаго родового быта и къ развитію быта общиннаго“, —И. Бѣляевъ ⁷⁾, К. Аксаковъ ⁸⁾, Ю. Самаринъ ⁹⁾ утверждаютъ, что община на Руси была явленіемъ исконнымъ, такъ какъ Россія не знала родового быта. Какъ видоизмѣненіе въ этихъ взглядахъ, надо указать взглядъ Б. Н. Чичерина ¹⁰⁾, который защищалъ вторичное значеніе общины, но ука-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 210—211.

²⁾ Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893 г., июнь, стр. 341).

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 209.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 212—226.

⁵⁾ Споръ о сельской общинѣ (*Русскій Вѣстникъ*, 1856 г., ноябрь, стр. 286).

⁶⁾ Сочиненія, С.-Пб., 1882. Историческія письма, стр. 262.

⁷⁾ Рецензія на соч. Чичерина (*Русская Беседа*, 1856 г., № 1).

⁸⁾ О состояніи крестьянъ въ древней Россіи (Полн. собр. сочин., I, 1861, стр. 415—494).

⁹⁾ Поземельная собственность и общинное владѣніе (*Сельское благоустройство*, 1858 г., № 12).

¹⁰⁾ Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи (*Русскій Вѣстникъ*, 1856 г., №№ 3 и 4).

зываютъ, что она была дѣломъ княжеской власти, такъ какъ крестьяне вообще не имѣли собственной земли, которая была княжескою, и считались только владѣльцами, и взглядъ Турчиновича ¹⁾, доказывавшаго, что земля въ древней Руси принадлежала не роду, не общинѣ, а семьѣ. Въ сторонѣ отъ этихъ взглядовъ стоитъ В. И. Сергѣевичъ. Хотя въ литературѣ мы встрѣчаемъ защитниковъ личной собственности передъ общинной, но они рассматриваютъ этотъ вопросъ лишь съ утилитарной точки зрѣнія, многіе даже соглашались съ тѣмъ, что раньше былъ общинный бытъ ²⁾. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ³⁾: „прежде всего не можетъ подлежать никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что волости считаютъ тяглыя земли своими“. Затѣмъ далѣе авторъ, указавъ, что крестьяне порознь отвѣчаютъ за свои земельные участки, говоритъ ⁴⁾: „не одни только крестьяне считаютъ волостныя земли своими. Это признаетъ и судъ. Всѣ споры о волостной землѣ предъявляются къ крестьянамъ. Они отвѣтчики, они и истцы. Если они плохо защитили свое дѣло, волостная земля отбирается у нихъ и передается монастырю“... Затѣмъ проф. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что волость несла всѣ податныя тягости. Крестьяне волости обязаны участвовать въ платежѣ ихъ. Что же касается до ихъ отношенія къ волостной землѣ, то авторъ, указавъ на мнѣніе г. Чичерина о потомственномъ и вѣчномъ владѣніи крестьянъ землею, говоритъ ⁵⁾: „Мысль совершенно вѣрная. Но мы идемъ далѣе. Проф. Чичеринъ не признаетъ ни за волостью, ни за отдѣльными ея членами правъ собственности на волостную землю. Собственникъ у него—одинъ князь, у крестьянъ же вѣчное и потомственное владѣніе, да еще съ правомъ распоряженія. Мы не находимъ различія между такимъ владѣніемъ и собственностью и думаемъ, что отдѣльные крестьяне приобрѣтали волостныя земли въ собственность;.. въ собственности же волости оставалось только то, что не было освоено отдѣльными ея членами,

¹⁾ О поземельной собственности и наслѣдіи въ древней Руси, С.-Пб., 1853.

²⁾ См. *Бутовскій*, Общинное владѣніе и собственность (*Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., июль, стр. 9—15); *С. С. Ивановъ*, Поземельная собственность и общинное владѣніе (*Русскій Вѣстникъ*, 1858, августъ, стр. 613—640 г.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 218.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 214, ср. Лекція и изслѣдованія, С.-Пб., 1894 г., стр. 313—316, гдѣ авторъ рассматриваетъ литературу этого вопроса и положеніе земельного владѣнія на западѣ Европы. Замѣтимъ, что были мнѣнія (Рейца и Бѣляева), что земля была собственностью *крестьянскаго сословія*, но они не затрогивали вопроса объ общинѣ или единоличной собственности.

⁵⁾ Юридич. древности, стр. 216.

и чѣмъ они пользовались безъ раздѣла, напримѣръ: выгонъ, строевой и дровяной лѣсъ, и пр.⁴⁾ Рядомъ же съ индивидуальной волостною собственностью В. И. Сергѣевичъ указываетъ собственность товарищества и въ этомъ примыкаетъ къ мнѣнію, раньше мелькомъ высказанному Кошелевымъ¹⁾. Далѣе приводятся акты, подтверждающіе фактъ собственности крестьянъ на освоенную ими землю²⁾, и указывается на аналогическія явленія въ германской маркѣ и лѣвобережной украинѣ³⁾, и авторъ говоритъ⁴⁾: крестьяне—первые по времени землевладѣльцы и собственники. Землевладѣльцы не земледѣльцы всегда и всездѣ явленіе позднѣйшее“. „Черные люди... признаются кнѣзьями собственниками, они продаютъ свои земли... Первый Судебникъ формально различаетъ черныя земли отъ земель великаго князя“⁵⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что отдѣленіе черныхъ людей въ отдѣльный разрядъ основывалось на томъ, что на нихъ особенно лежали всякія государственныя повинности, и казнѣ было невыгодно, что измѣнялся земельный составъ черныхъ волостей⁶⁾, „участки или доли земли отдѣльныхъ членовъ волости были далеко не одинаковы“⁷⁾. Поэтому иногда крестьяне „сажали на своихъ земляхъ другихъ крестьянъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это дѣлали монастыри и иные частныя владѣльцы“⁸⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что тяглые люди были обременены большими повинностями, и это нерѣдко заставляло ихъ переходить на владѣльческія земли. Крестьяне могли своими землями мѣняться; могли на посадѣ имѣть лавки. Авторъ говоритъ, заканчивая обзоръ положенія крестьянъ и переходя къ вопросу объ ихъ переходѣ⁹⁾: „Таково древнѣйшее положеніе крестьянъ. Въ большинствѣ случаевъ это мелкіе люди, живущіе землепашествомъ; но и между ними были собственники, и даже не тяглыхъ земель, и торговцы. Крестьяне незаметно сливаются съ высшими разрядами“. Право крестьянскаго перехода при обиліи земель и недостатокѣ рабочихъ рукъ не могло оди-

¹⁾ Редакціонныя замѣчанія къ рецензіи Бѣляева на соч. Чичерина (*Русская Бесѣда*, 1856 г., I).

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 217—220.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 220—225.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 225.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 226.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 227—230.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 230.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 231.

⁹⁾ Юридич. древности, I, стр. 233.

наково всѣмъ нравиться. Постоянно слышатся жалобы на крестьянскіе переходы. Выпускаются даже сингулярные княжескіе указы, ограничивающіе то тамъ, то здѣсь крестьянское право перехода, пока наконецъ, первымъ Судебникомъ не постановлено, чтобы крестьяне отказывались за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю послѣ него. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ¹⁾: „такое первое общее опредѣленіе крестьянскаго перехода. Крестьянамъ для выхода данъ двухнедѣльный срокъ, но и на этотъ срокъ переходъ не былъ свободенъ. Крестьянинъ долженъ былъ уплатить „пожилое“ за пользованіе дворомъ“. Авторъ указываетъ, что „пожилое“ было установлено для уничтоженія споровъ о вознагражденіи за испорченный дворъ, бывший на снимаемомъ крестьяниномъ участкѣ земли ²⁾. Второй Судебникъ увеличилъ размѣръ пожилаго. Но ни онъ, ни первый Судебникъ не запретили уходить должникамъ, не ввели въ общее правило то, что постановляли иногда отдѣльные указы. Вообще „указамъ московскихъ государей не легко достается борьба съ старыми народными обычаями“ ³⁾. И во вторую половину XVI вѣка крестьяне переходятъ не въ срокъ безошибочно. Узаконенія Судебниковъ сходны съ узаконеніями по этому вопросу Псковской судной грамоты ⁴⁾. Но какія же были, спрашиваетъ далѣе В. И. Сергѣевичъ, послѣдствія установленія опредѣленнаго срока для крестьянскихъ переходовъ? Имѣлъ ли господинъ искъ о возвратѣ ушедшаго? Нѣтъ: иска о возвратѣ не было, хозяинъ могъ лишь искать своихъ убытковъ. Уголовной кары за безсрочный выходъ и выводъ не было. Такой порядокъ тянулся до конца XVI вѣка ⁵⁾. „Только памятники послѣдняго десятилѣтія (XVI вѣка) начинаютъ говорить о *бѣглыхъ* крестьянахъ и объ искахъ о возвращеніи ихъ на прежнія мѣста“ ⁶⁾. Но кто такой бѣглый? В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что подъ бѣглыми крестьянами надо понимать не тѣхъ, кто ушелъ не въ Юрьевъ день, а всѣхъ ушедшихъ крестьянъ. Основаніемъ иска о ихъ возвратѣ надо признать не Судебникъ, а указъ объ отмѣнѣ Юрьева дня ⁷⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ касается до сихъ поръ не рѣшеннаго вопроса о томъ, кто былъ

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 236.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 236.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 237.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 238—239.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 240—242.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 242.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 243.

виновникомъ крестьянскаго прикрѣпленія. Укажемъ, что вопросу существуетъ три главныхъ мнѣнія: Бѣляевъ ²⁾ и В. И. Сергѣевичъ ³⁾ считаютъ, что прикрѣпленіе къ землѣ произошло по указу, изданному между годами. Погодинъ совершенно отрицалъ крестьянское прикрѣпленіе ⁴⁾: крестьяне оставались свободными. Они временно, такъ сказать, въ услуженіе помѣщикамъ, отъ другому, за ихъ службу государству и не принадлежали ни кому ⁵⁾. Затѣмъ Энгельманъ ⁶⁾, Владимірскій-Будановъ ⁷⁾, Милуковъ ⁸⁾, Дьяконовъ ⁹⁾, отрицая указъ о прикрѣпленіи крестьянъ, самое прикрѣпленіе признавали и выводили изъ постепеннаго экономическаго стѣсненія крестьянъ, живущихъ на дѣльческихъ земляхъ. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что выхода въ свѣтъ указа о прикрѣпленіи крестьянъ надо признать или второй годъ царствованія Федора Ивановича, то-есть, 1585 годъ ¹⁰⁾. „Прикрѣпленіе конца XVI вѣка не было полнымъ и безусловнымъ. Бѣглыхъ рабовъ можно было не возвращать безъ срока, бѣглыхъ же крестьянъ—только въ опредѣленный срокъ, который получалъ въ нашихъ памятникахъ видъ урочныхъ или указныхъ лѣтъ“ ¹¹⁾. Затѣмъ урочные лѣты удлинняли до 10 лѣтъ. Наконецъ, по челобитью дворянъ боярскихъ отмѣнили совершенно. В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ: „Что же мѣшало до сихъ поръ крестьянской крѣпости? Переходъ и не Юрьевъ день, которыхъ уже давнымъ дѣломъ

¹⁾ Крестьяне на Руси, М., 1879, стр. 97, sqq.

²⁾ Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпости на Руси? (Архивъ Калачова, 1859 г., № 2).

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 244—253.

⁴⁾ Историко-критическіе отрывки, кн. 2, М., 1867, стр. 202.

⁵⁾ Die Leibeigenschaft in Russland, Dorpat, 1884.

⁶⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, вып. III, К., 1885 г., стр. 21.

⁷⁾ Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи (Русская Исторія, № 8 и 10).

⁸⁾ Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства 1892, стр. 21.

⁹⁾ Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, июнь).

¹⁰⁾ Юридич. древности, I, стр. 246.

¹¹⁾ Ibidem.

¹²⁾ Юридич. древности, I, стр. 247.

а урочные годы. Они и отмиѣняются“. При этомъ по писцовому указу 1646 года прикрѣпленіе распространяется и на всѣхъ родственниковъ, которые живутъ въ одномъ дворѣ съ домохозяиномъ. Это заставляетъ думать, что и послѣ XVI вѣка до 1646 г. были вольные люди, которые могли селиться, гдѣ хотѣли. Эти вольные люди по-прежнему садились на владѣльческія земли по поряднымъ, „но новый порядокъ долженъ былъ отразиться и на порядныхъ. Отъ XVII вѣка къ намъ дошли двѣ порядныя, въ которыхъ отрицается уже переходъ“ ¹⁾. „Понятно, однако, что порядныя XVII вѣка — остатокъ старины, фактъ переживанія, не болѣе. Онѣ не соотвѣтствуютъ новому строю жизни, а потому Уложение и вводитъ иной способъ поступленія въ крестьянство: записку въ крестьяне въ Помѣстномъ приказѣ“ ²⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что со времени прикрѣпленія прошла рѣзкая граница между тяглыми государевыми крестьянами и владѣльческими. Крестьяне крѣпкіе землѣ натурально продаются съ землею ³⁾. Но сами крестьяне могли давать деньги въ займы и даже подъ залоги недвижимостей. Владѣніе городскими дворами и лавками имъ запрещено, но они могутъ торговать съ возовъ и струговъ. „Уложение отмѣчаетъ любопытный фактъ, что за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ землевладѣльцы... Наконецъ, Уложение запрещаетъ всякія жалобы крестьянъ на господъ. Оно допускаетъ только доносы въ государственныхъ преступленіяхъ... Хотя Уложение и отличаетъ еще владѣльческихъ крестьянъ отъ холоповъ, но оно содержитъ уже въ себѣ всѣ необходимые элементы, изъ которыхъ должно было развиться самое строгое крѣпостное право“ ⁴⁾.

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 248.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 249. Интересно здѣсь отмѣтить, что рѣзкая критика П. Н. Милюкова этого мѣста изъ сочиненія проф. Сергѣевича произошла исключительно по недоразумѣнію. Это споръ о словахъ. Московскій профессоръ говоритъ, что договоръ въ крестьянство совершался по ссуднымъ грамотамъ, В. И. Сергѣевичъ, — по поряднымъ. А въ самихъ грамотахъ, въ одной и той же, встрѣчаются оба эти термина. (Акты относящ. до юридич. быта, III, № 359, II). Что же касается до содержанія, то оба говорятъ совершенно одно и то же. Надо при этомъ указать, что, говоря о постепенномъ прикрѣпленіи крестьянъ самою жизнью, П. Н. Милюковъ приводитъ порядную не XV, даже не XVI вѣка, а конца XVII вѣка (Спорные вопросы, стр. 86).

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 250—251. Отмѣтимъ, что отъ конца XVII вѣка (1671 г.) сохранялся документъ, свидѣтельствующій о продажѣ крестьянъ отдѣльно отъ земли, вмѣстѣ съ ихъ движимостью. (*Ярославскія Губернскія Вѣдомости*, 1858 г., часть не-офиц., № 6, стр. 50).

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 251—253.

Разсмотрѣніе вопроса о крестьянахъ В. И. Сергѣевичъ кончаетъ обзоромъ литературы этого вопроса. Онъ указываетъ, что еще Рейцъ ¹⁾, затѣмъ Бѣляевъ, склонялись къ мнѣнію, что крестьяне были собственниками. Самъ авторъ, какъ мы видѣли, склоняется къ подобному же выводу. Онъ полемизируетъ противъ мнѣнія, что земля крестьянъ есть земля князя. Онъ указываетъ, что это мнѣніе есть *contradictio in adjecto*, что изъ того, что князь распоряжается территорією, эту послѣднюю нельзя признать его частною собственностью. „Чѣмъ сильнѣе центральная власть, тѣмъ менѣе стѣсняется она частными правами ²⁾. (Замѣтимъ, что В. И. Сергѣевичъ говоритъ здѣсь не объ общинномъ или единоличномъ владѣніи, а о томъ, чья была земля—князя или крестьянъ). Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ разбираетъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые отрицаютъ подлинность указа о крестьянскомъ прикрѣпленіи, и въ частности возстаетъ противъ мнѣнія г. Ключевского, что прикрѣпленіе выразилось не въ связи крестьянъ съ землею, а въ лишеніи ихъ личной свободы ³⁾. В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ (довольно рѣзко), что проф. Ключевскій смѣшиваетъ два юридическихъ понятія, кабалу и порядную, что онъ не доказываетъ своего мнѣнія источниками и даже подчасъ противорѣчить имъ. (Интересно, что мнѣніе проф. Ключевского, по скольку оно не касается вопроса объ указахъ о крестьянскомъ прикрѣпленіи, даже среди его учениковъ встрѣтило нѣкоторое сомнѣніе) ⁴⁾. Этимъ В. И. Сергѣевичъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе крестьянскаго вопроса древней Руси. Что касается до вопроса объ ихъ финансовомъ положеніи, о тяглахъ, налогахъ и т. д., то въ „Юридическихъ древностяхъ“ онъ не затрогивается ⁵⁾. Слѣдующимъ разрядомъ свободныхъ людей были *изюи* ⁶⁾. В. И. Сергѣевичъ указываетъ тѣ два памятника, гдѣ встрѣчается наименованіе изгоевъ: Русскую Правду и церковный уставъ новгородскаго князя Всеволода ⁷⁾. Онъ гово-

¹⁾ *Reits*, „Versuch über die geschichtliche Ausbildung d. russ. Staats und Rechtsverf.“, 1829, Ss. 157 und 210.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 257.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 258—263.

⁴⁾ П. Н. Миллюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, С.-Пб., 1892, стр. 87, пр. 1.

⁵⁾ См. его Лекціи и изслѣдованія, С.-Пб., 1884, стр. 198—203.

⁶⁾ Укажемъ, что г. Владимірскій-Будановъ рассматриваетъ и изгоевъ въ раздѣлѣ гражданскаго права при вопросѣ о правоспособности (Обзоръ исторіи русскаго права, 2-е изд., К., 1888, стр. 328).

⁷⁾ Юридич. Древности, I, стр. 263—264.

рять: ¹⁾ „Всѣ четыре вида изгоевъ, отнесенныхъ къ церковнымъ людямъ, имѣютъ общій признакъ, соединяющій ихъ въ одну группу. Это бѣдные, жалкіе люди, лишившіеся обыкновенныхъ въ ихъ положеніи способовъ существованія, а потому и нуждающіеся въ особомъ покровительствѣ, которое предоставляется церкви“. Затѣмъ авторъ, указавъ, что по аналогіи слово изгой стало употребляться въ прихненіи вообще къ низшимъ людямъ, склоняется въ пользу производства этого слова отъ латышскаго *izi*—иду, *izgois*—вышедшій, которое предлагаетъ Микутскій. Сперва имя изгоевъ употреблялось специально по отношенію къ рабамъ, вышедшимъ изъ холопства, а потомъ вообще ко всѣмъ, вышедшимъ изъ прежняго состоянія, выбитымъ изъ колен ²⁾. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что, какъ мнѣніе Калачова ³⁾, считавшаго изгоевъ изгнанниками изъ рода, такъ и К. Аксакова ⁴⁾, признававшаго ихъ выгнанными изъ общины суть лишь догадки, и говоритъ ⁵⁾: „по историческимъ... памятникамъ изгой не имѣетъ никакого отношенія ни къ роду, ни къ общинѣ; онъ не преступникъ и въ правахъ не умаленъ; наоборотъ, онъ поставленъ подъ особое покровительство церкви, какъ человекъ бѣдный, жалкій“.

Далѣе В. И. Сергѣевичъ упоминаетъ о числякахъ, ордынцахъ, дѣлюяхъ. Онъ говоритъ ⁶⁾: „Упоминанія источниковъ... такъ кратки и отрывочны, что не представляется возможнымъ составить себѣ о нихъ отчетливое понятіе“. Авторъ указываетъ, что эти разряды людей были слѣдствіемъ татарскаго завоеванія и съ прекращеніемъ зависимости Московскаго государства отъ орды исчезли. Числяки или численные люди назывались вслѣдствіе татарской переписи. Ихъ отличаютъ отъ черныхъ людей. Но они также сидятъ на собственныхъ земляхъ. В. И. Сергѣевичъ склоняется къ толкованію Рейца, что численные люди это тѣ, которые попали въ послѣднюю татарскую перепись и, платя татарскую дань, можетъ быть, были избавлены отъ всякаго инаго тягла. Укажемъ здѣсь на то, что въ наукѣ встрѣчается и иной взглядъ на этотъ вопросъ: Сперанскій ⁷⁾ считалъ чи-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 264.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 265—266.

³⁾ Архивъ историко-юрид. свѣд., 1850, кн. I, стр. 53—68.

⁴⁾ Полн. собр. соч., I, стр. 38.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 267.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 267.

⁷⁾ Историческое обозрѣніе измѣненій въ правѣ поземельной собственности я въ состояніи крестьянъ (Архивъ историческихъ и практическихъ свѣд., 1850, кн. 2).

сленныхъ людей первымъ проблескомъ крѣпостнаго права мнѣнію присоединяется и П. Н. Милюковъ ¹⁾. Проф. Милюковъ зываетъ на нѣкоторую проблематичность этого воззрѣнія, ссылаясь до ордынцевъ и дѣлюевъ, то они тоже плохи. На нихъ, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, лежитъ особая вина. Авторъ думаетъ, что она заключалась въ доставленіи содѣлать ордынскимъ посламъ и т. п. Въ заключеніе этого Сергѣевичъ приводитъ мнѣніе Карамзина, который считаетъ татарами, поселившимися въ Россіи, и Соловьева. Считаетъ ихъ плѣнниками, выкупленными изъ татарской неволи. Эти авторъ оставляетъ безъ разбора и критики ²⁾. Послѣ Сергѣевичъ разбираетъ вопросъ о „закладныхъ“. Онъ говоритъ, что этотъ терминъ встрѣчается во многихъ грамотахъ. По мнѣнію автора, одинаково обозначаетъ какъ землю, какъ ловѣка, служащаго обезпеченіемъ долга ³⁾. „Въ случаѣ долга въ срокъ закладная обращалась въ купчую, а въ случаѣ вѣкъ въ холопа“ ⁴⁾. Положеніе закладнаго было нѣкоторымъ образомъ особое: онъ судился и вѣдался не мѣстными властями, хотя можетъ жить и не во дворѣ у него ⁵⁾. Русское государство не знало закладней. Но они упоминаются уже съ XII вѣка. Государство окрѣпло, оно стало противиться такой закладней отъ нихъ кредиторовъ. Но борьба эта велась сперва князья запрещаютъ иноземцамъ брать закладныя лостяхъ. Затѣмъ Уложеніе запрещаетъ тяглымъ людямъ вѣдаться, равно какъ и брать ихъ въ залогъ. Вольные, и тогда еще могли становиться закладными ⁶⁾. Вопросъ В. И. Сергѣевичъ кончаетъ справедливымъ замѣчаніемъ о закладныхъ очень мало упоминается въ нашей литературѣ. Б. Н. Чичерина, закладень есть переходъ отъ закупному холопу ⁷⁾. Но В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что

¹⁾ Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства 1892, стр. 21.

²⁾ Къ исторіи крестьянскаго прикрепленія (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, стр. 848—350).

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 268—269.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 269.

⁵⁾ *Ibidem*.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 270.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 270—273.

⁸⁾ Очеркъ по исторіи русскаго права, М., 1858, стр. 154.

моложе закупа, а съ другой стороны кабальное холопство вовсе не вытѣснило закладничества, которое существуетъ и въ XVII вѣкѣ; онъ говоритъ, что Соловьевъ даже въ XVIII вѣкѣ указываетъ примѣры самозалога ¹⁾).

Отъ закладничества В. И. Сергѣевичъ переходитъ къ разсмотрѣнію положенія купцовъ, гостей, посадскихъ людей. Авторъ указываетъ, что какъ слово купецъ, такъ и гость означало торговца. Первый разъ упоминаетъ ихъ договоръ Игоря съ греками 945 года. Въ томъ же смыслѣ встрѣчаемъ мы ихъ и въ памятникахъ московскаго времени, XVI вѣка ²⁾. „Гости и купцы, однако,—говоритъ авторъ,— не составляли въ древности особаго сословія. Въ старину всѣ могли торговать: и князья, и духовенство, и служилые люди, и крестьяне, и дѣйствительно торговали“... „Съ другой стороны, лица, специально занимавшіяся торговлею, не были исключены отъ пользованія какими либо другими правами“ ³⁾. За убійство купцовъ та же плата, что и за убійство княжескихъ чиновниковъ. Они принимаютъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, они выступаютъ даже въ качествѣ воиновъ. Недвижимостями купцы могли обладать наравнѣ съ лицами другихъ специальностей ⁴⁾. Какъ въ древнее время, такъ и въ московское торговля не была у насъ приурочена къ городамъ. Даже Уложеніе не запрещаетъ торговымъ людямъ, если только они не посадскіе, держать лавки на владѣльческихъ земляхъ ⁵⁾. Торговые люди, хотя имѣли право вступать на княжескую службу, рѣдко пользовались этимъ правомъ. Но были специальности, въ общественныхъ дѣлахъ, близко сопрягающіяся съ торговымъ дѣломъ, которыя издавна поручались купцамъ: сюда относятся сборы пошлинъ съ торговли ⁶⁾. В. И. Сергѣевичъ при этомъ разсматриваетъ терминъ *пошлый*, который приданъ грамотой новгородскаго князя Всеволода Мстиславича тѣмъ купцамъ, которые имѣли право избирать церковныхъ старостъ въ церкви св. Іоанна. Авторъ полагаетъ, что пошлымъ купечествомъ названо такое, которое изстари, по пош-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 274.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 274—275, см. у *Люминскаю*, Городское гл. среднее состояніе русскаго народа, С.-Пб.,—1852, стр. 46, о различныхъ толкованіяхъ слова „гости“.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 276.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 276—278. Замѣтимъ, что купцы могли имѣть и холоповъ (см. Новгородскую судную грам., ст. 86—87).

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 278—279.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 279—282.

лишѣ, дѣлало вклады въ пользу церкви ¹⁾). Укажемъ здѣсь, что проф. Владимірскій-Будановъ пошлымъ купечествомъ считаетъ потомственное) ²⁾, а проф. Никитскій думаетъ ³⁾, что грамотою Всеволода Мстиславича устанавливалась гильдія. В. И. Сергѣевичъ противъ послѣдняго мнѣнія возражаетъ, что проф. Никитскій пришелъ къ своему заключенію, благодаря сходству 6 членовъ комиссіи, вѣдавшей Ивановскими дѣлами съ шестигласной думой, но упустилъ изъ виду, что странно учреждать гильдіи специально для дѣлъ одной церкви, и что въ этой комиссіи было лишь два купца, остальные же лица постороннія ⁴⁾). Мнѣніе В. И. Сергѣевича совпадаетъ съ мнѣніемъ и С. М. Соловьева ⁵⁾). Какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ купцы были приставлены къ таможенному дѣлу ⁶⁾). Въ московское время для обозначенія торговыхъ людей появился терминъ „посадскіе“. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ⁷⁾: „Думаемъ, что терминъ этотъ возникъ отъ сидѣнья въ лавкѣ торговыхъ людей, а затѣмъ сообщился и самому мѣсту, гдѣ лавки были устроены, которое поэтому и называлось посадомъ“. Позволимъ себѣ замѣтить, что врядъ ли таково происхожденіе этого слова. Вѣрнѣе, что посадъ названъ потому, что люди сидятъ вокругъ города или села, а не въ лавкахъ. Самъ В. И. Сергѣевичъ указываетъ ⁸⁾, что на посадѣ жили и крестьяне, что весьма вѣроятно, что крестьяне первыми поселились тамъ, и что только въ Судебникахъ мы находимъ формальное разграниченіе посадскихъ людей и крестьянъ по вопросу о безчестьѣ. „Только съ конца XVI вѣка московское правительство начинаетъ принимать мѣры къ большому обособленію торговаго класса, но только лучшихъ его людей“ ⁹⁾). Въ Москвѣ за службу купцовъ по таможенному и кружечному сборамъ жалуютъ ихъ *юстиніямъ* именемъ и даютъ имъ на это званіе грамоту

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 281.

²⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, вып. I, К., 1886 г., изд. 3-е, стр. 285, пр. 9.

³⁾ Св. Вел. Иванъ на опокахъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1870, т. СL, стр. 207 вѣд.).

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 291.

⁵⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. III, М., 1870, изд. 4-е, стр. 69.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 282.

⁷⁾ Ibidem.

⁸⁾ Стр. 288—286.

⁹⁾ Юридич. древности, I, стр. 286. Ср. *Плошинскій*, Городское или среднее состояніе русскаго народа, С.-Пб., 1862, стр. 7.

за красной печатью. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ¹⁾: „званіе гостя изъ бытоваго явленія переходитъ въ отличіе, жалуемое московскими государями за вѣрную службу“. Гостямъ въ жалованныхъ грамотахъ представляются нѣкоторыя привилегія, хотя эти привилегіи въ Москвѣ даются отдѣльнымъ лицамъ, тогда какъ въ Новгородѣ цѣлому классу купцовъ. „Новгородъ Великій ограждалъ не лица, а торговлю“ ²⁾. Съ конца XVI вѣка въ Москвѣ занялись нѣкоторой организацией купеческаго званія, устроили изъ лучшихъ людей городскихъ черныхъ сотенъ и слободъ двѣ московскихъ сотни—гостиную и суконную, которымъ специально поручались таможенные и кружечные сборы. Сравнивая положеніе этихъ сотенъ съ новгородскимъ пошлымъ купечествомъ, В. И. Сергѣевичъ говоритъ ³⁾: „Въ Новгородѣ стать пошлымъ кунцомъ есть дѣло свободы, досуга и призванія; въ Москвѣ это тяжелая обязанность, которая отрываетъ отъ торговли и промысловъ всѣхъ лучшихъ торговыхъ людей“. „Гостинная и суконная сотня были расписаны на статьи: большую, среднюю и меньшую. Каждой статьѣ Уложеніе опредѣляетъ особое безчестье“ ⁴⁾. Въ московское время не знали твердаго различія между городомъ и деревнею. И въ городахъ и въ селахъ живутъ и торговцы и земледѣльцы ⁵⁾. Вопросъ о купцахъ В. И. Сергѣевичъ заканчиваетъ разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ литературныхъ мнѣній (его полемику относительно Ивановаго пошлаго купечества мы видѣли). Затѣмъ онъ указываетъ, что „изысканія о торговыхъ людяхъ нерѣдко приводятъ къ изслѣдованію вопроса объ отдѣленіи городовъ отъ селъ“ ⁶⁾. Авторъ „Юридическихъ древностей“ разбираетъ три сочиненія, на сколько они касаются указаннаго пункта. Пригара думалъ, что уже въ концѣ XV вѣка города обособились отъ селъ, и что причина этого въ заботахъ правительства объ исправномъ поступленіи налога ⁷⁾. Б. Н. Чичеринъ ⁸⁾

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 286.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 288.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 289.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 290.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 290—291.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 291—292.

⁷⁾ Описаніе историческаго состоянія городскихъ обывателей въ восточной Россіи 1865. Мы цитируемъ по соч. В. И. Сергѣевича; такого же мнѣнія, какъ Пригара, и г. Владимірскій-Будановъ (*В. И. Сергѣевичъ*, Юридич. Древности, I, стр. 294).

⁸⁾ Опыты по исторіи русскаго права, М., 1858. Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи, стр. 36—38.

относить это обособленіе къ XVII вѣку, къ указу 164 проф. Градовскій занимаетъ середину между этими мнѣніишь, что Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ „дѣляютъ города изъ состава прочаго населенія“¹⁾). Противъ нии возражаетъ В. И. Сергѣевичъ, что какъ тамошнн, были какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ, безъ всякаго Относительно взгляда проф. Чичерина В. И. Сергѣевичъ что и въ XVII вѣкѣ не знали различія города и села: „садовъ попрежнему остается смѣшанное изъ торговыхъ мелкихъ крестьянъ. Пашенные крестьяне могутъ имѣть и торговать на условіи посадскаго тягла“²⁾). Укажемъ приведенныхъ мнѣній, есть еще одно, котораго державители стараго взгляда, что всѣ современные институты сматривать въ историческомъ ихъ развитіи, упуская исторію многихъ изъ нихъ очень кратка по времени. этого мнѣнія можетъ быть названъ Плошинскій³⁾). По въ Россіи всегда отдѣляли города отъ селъ, и только въ самозванцахъ, нѣсколько перемѣшались жители тѣхъ и такому же выводу приходитъ и другой изслѣдователь соображеніямъ иного рода. Это Д. Я. Самоквасовъ⁴⁾), раго по вопросу о городахъ мы уже видѣли. Мнѣніе разумѣется, не выдерживаетъ критики. Противъ теоріи въ высшей степени основательно возражаетъ Ѳ. И. Ж

И. И. Дебо

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европы и въ Россіи (Сборн. гос. знан., VI, стр. 99).

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 292—294.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 295.

⁴⁾ Городское или среднее состояніе русскаго народа въ историческомъ развитіи 1852 г.

⁵⁾ Древніе города Россіи. С.-Пб., 1873.

⁶⁾ Рецензіи на соч. Самоквасова о городахъ (Сборн. госуд. знан.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ ССХСУ.

1894.

СЕНТЯВРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.
1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
С. Н. Бранловскій. Федоръ Поликарповичъ Поликарповъ-Орловъ, директоръ московской типографіи	1
Е. Н. Щенкинъ. Скандинавскій обрядъ погребенія съ кораблемъ.	38
Н. А. Любимовъ. Исторія физики (окончаніе)	62
Н. М. Коркуновъ. Значеніе Свода Законовъ	95
Н. Н. Оглоблинъ. Прохождение провинціальныхъ подьячихъ въ XVII вѣкѣ	118

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. Н. Дебольскій. <i>В. Сергеевичъ</i> . Русскія юридическія древности. Томъ I. Территорія и населеніе. Томъ II. Власть. Вып. 1. Вѣче и князь. С.-Пб. 1890—1893 (окончаніе)	151
М. А. Дьяконовъ. Новая политическая доктрина	190
В. И. Модестовъ. Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments etc. sous la direction <i>M. M. Ch. Daremberg et Edm. Saglio</i> . Paris. 1894	201
А. Б. Сэра Томаса Смита Путешествіе и пребываніе въ Россіи. Пе- реводъ <i>Н. М. Болдыкова</i> . Изданіе графа <i>С. Д. Шереметова</i> . С.-Пб. 1893	206
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. <i>Нико- лая Барсукова</i> . Книга восьмая. С.-Пб. 1894	210
— Книжныя новости	216
— Наша учебная литература (разборъ 4 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Среднія и высшія учебныя за- веденія Кіевского учебнаго округа въ 1893 году.	1
---	---

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ө. Г. Мищенко. Thucyd. VIII 97 ₂ и Aristot. Ἀθηναίων. Πολιτ. 32, (окончаніе)	113
А. О. Эпманъ. Легенда о римскихъ царяхъ	124

За редактора **С. Платоновъ**.

(Вышла 1-го сентября).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ I. Территорія и населеніе С.-Пб. 1890 г.—Томъ II. Власть. Вып. 1. Вѣче и князь. С.-Пб. 1893 г. ¹).

„Въ наше время отъ исторіи требуютъ раскрытія законовъ развитія челоѣческихъ обществъ“.

(*В. И. Сергѣевичъ, Государство и право въ исторіи*).

V.

Почти всю вторую половину перваго тома „Юридическихъ древностей“ (за исключеніемъ одной главы) занимаетъ изслѣдованіе о боярахъ, вольныхъ слугахъ и различныхъ чинахъ двора московскихъ государей. В. И. Сергѣевичъ начинаетъ съ бояръ. Онъ указываетъ, что этимологія этого слова говоритъ о славянскомъ его происхожденіи, согласно мнѣнію Срезневскаго ²⁾. Такого же взгляда держится и С. М. Соловьевъ ³⁾, а также и г. Порайкошица ⁴⁾. В. И. Сергѣевичъ говоритъ далѣе ⁵⁾: „званіе боярина въ древнѣйшее время является не чиномъ, раздаваемымъ княземъ, а наименованіемъ цѣлаго класса людей, выдающагося среди другихъ своимъ матеріальнымъ превос-

---

¹⁾ *Окончаніе*. См. августовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ Мысли объ исторіи русскаго языка, стр. 131 зод.

³⁾ *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ* т. I, изд. 4-е, М., 1866, стр. 366, прим. 344.

⁴⁾ *Очерки исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка*, С.-Пб., 1874 г., прим. 14.

⁵⁾ *Юридич. древности*, I, стр. 297.

ходствомъ". Позволимъ себѣ замѣтить, что согласно съ этимъ мнѣніемъ проф. Романовичъ-Словатинскій говоритъ ¹⁾: „Аристократическіе элементы, свойственные всякому обществу, были, конечно, и у насъ, точно такъ-же, какъ и у насъ было стремленіе меньшинства общества выдѣлиться изъ народа и составить привилегированную общественную группу—лучшихъ людей. Это присуще человѣческой природѣ и проявляется во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Но разница въ томъ, что у насъ эти аристократическіе элементы слагались въ привилегированную общественную группу не сами собою, не во имя какого нибудь великаго національнаго интереса и присущей имъ самостоятельной силы,—у насъ аристократическіе элементы сложены были въ привилегированную общественную группу государственною властью“. Нѣсколько инаго взгляда держится П. В. Калачовъ, защищая исконное выдѣленіе аристократіи въ отдѣльную группу, съ отдѣльными правами ²⁾. А проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ ³⁾: „Бояре въ низшихъ слояхъ незамѣтно сливаются и съ мужами и съ людьми вообще“. Онъ указываетъ, что этотъ широкій смыслъ слова „бояринъ“ въ качествѣ зажиточнаго человѣка продолжаетъ употребляться и въ московское время на ряду съ возникшимъ тогда тѣснымъ смысломъ чиновнаго человѣка. „До-московская старина чрезвычайно живуча. Не смотря на всѣ измѣненія, совершенныя московскими государями въ правахъ населенія, указанное словоупотребленіе встрѣчается во всей его неприкосновенности и въ памятникахъ XVII вѣка“ ⁴⁾. Далѣе В. И. Сергѣевичъ говоритъ ⁵⁾: „Бояре, какъ богатые люди, содержатъ при себѣ дружины“, и далѣе ⁶⁾: „эти боярскіе дворы дожили и до XVII вѣка, когда они употреблялись для торжественной обстановки при приѣмѣ и отпускѣ иностранныхъ пословъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ“. Истати отмѣтимъ, что авторъ ни здѣсь, ни далѣе, когда онъ говоритъ о княжеской дружинѣ, не касается этимологіи слова „дружина“. С. М. Соловьевъ ⁷⁾ считаетъ, что это слово произошло отъ дружбы, това-

¹⁾ Дворянство въ Россіи, С.-Пб., 1870, стр. I, также см. стр. 2—4.

²⁾ Рецензія на соч. Романовича-Словатинскаго (Матеріалы для исторіи русскаго дворянства, вып. I, С.-Пб., 1885 г., стр. 26 вѣд.).

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 299.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 301.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 303.

⁷⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I, Москва, 1866, изд. 4-е. стр. 242.

рищества дружинниковъ между собою. Такого же взгляда держится и Костомаровъ ¹⁾ и Н. А. Ивановъ ²⁾, тогда какъ г. Порайкошица думаетъ, что слово „дружина“ произошло отъ дружбы къ князю, отношенія къ которому были договорнаго характера ³⁾. „Бояре.—говоритъ В. И. Сергѣевичъ.—суть поземельные собственники“ ⁴⁾. Но при раздробленности древней Руси часто эти поземельныя владѣнія находились въ различныхъ княжествахъ. Князья издавна встаютъ противъ такого порядка вещей. „Землевладѣльцы-бояре по необходимости связаны съ мѣстностью, гдѣ находятся ихъ имѣнія; въ этихъ имѣніяхъ они обыкновенно живутъ... лѣтописцы и княжескія грамоты обозначаютъ ихъ по имени города или области, гдѣ лежатъ ихъ земли“ ⁵⁾. „Лучшіе люди, бояре, весьма натурально тяготеютъ къ князьямъ, отъ которыхъ зависитъ раздача доходныхъ должностей. Они поступаютъ къ нимъ на службу и составляютъ высшій слой княжескихъ дружинъ. Эта древняя служба была вольною“ ⁶⁾. Такъ какъ состоятельные люди нужны были князьямъ, то выборъ принадлежалъ не князьямъ, а боярамъ. Они шли къ кому хотѣли; „они... поступали на службу къ тому изъ нихъ, кто былъ ласковъ къ нимъ, внимателенъ къ ихъ желаніямъ, щедро награждалъ за услуги“ ⁷⁾. „Дружинѣ нельзя приказывать, ее надо убѣждать. Если князь былъ невнимателенъ къ своимъ боярамъ,... они оставляли его“ ⁸⁾. Право мѣнять своихъ князей есть право „отъѣзда“. Сами князья обезпечиваютъ неприкосновенность имущества отъѣзжающимъ боярамъ и вольнымъ слугамъ и обѣщаютъ брать съ нихъ налоги и подати не больше, чѣмъ со своихъ бояръ ⁹⁾. „Для поступленія на службу князю, конечно, было необходимо его согласіе“ ¹⁰⁾. Но въ этомъ согласіи не могло быть сомнѣнія, такъ какъ каждый новый слуга усиливалъ князя. „Приказываясь на службу, бояре и слуги вольные давали клятвенное обѣ-

¹⁾ Начала единодержавія въ древней Руси (*Вѣстникъ Европы*, 1870, ноябрь, стр. 46).

²⁾ Россія въ статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи, С.-Пб., 1837, IV, 201 вѣд.

³⁾ Очеркъ исторіи русскаго дворянства, С.-Пб., 1874, стр. 3—4.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 304.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 304.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 304—305.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 305.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 305.

⁹⁾ Юридич. древности, I, стр. 306—307.

¹⁰⁾ Юридич. древности, I, стр. 308.

щаніе вѣрности“¹⁾). Какъ бояре, такъ и князья при этомъ брали на себя нѣкоторыя обязательства: первые обѣщались вѣрно служить ему и защищать его, второй обѣщаль имъ жаловать ихъ всякими милостями и льготами. Но поступленіе на службу не обнзывало вольныхъ слугъ постоянно находиться при его особѣ; они могли жить и въ своихъ имѣньяхъ²⁾). Клятвенное обѣщаніе не мѣшало праву отъѣзда. „Отъѣзду обыкновенно предшествовалъ отказъ отъ службы, то-есть, предварительное извѣщеніе о намѣреніи отъѣхать“³⁾). При этомъ князья считали возможнымъ отъѣздъ лишь къ союзному князю, слуги же понимали свое право безъ этого ограниченія. Мнѣніе князей выражалось и реакціей на отъѣздъ. „Еще въ XII вѣкѣ дружинники, виновные въ измѣнѣ, подвергались смертной казни. Измѣна карается и московскими государями“⁴⁾). „Князьямъ не нравился отъѣздъ, но пріѣздъ былъ имъ очень пріятенъ, и они стояли за него даже и послѣ того, когда формально вооружились противъ отъѣзда“⁵⁾). „Иначе смотрятъ на дѣло служилые люди. Отъѣздъ представляется имъ ничѣмъ неограниченнымъ правомъ. Они считаютъ себя вправѣ покинуть князя, которому цѣловали крестъ, и отъѣхать къ злѣйшему его врагу даже въ такое время, когда ихъ услуги наиболѣе для него необходимы“⁶⁾). Право отъѣзда, возникшее во время слабости княжеской власти, въ Москвѣ, по мѣрѣ укрѣпленія власти московскихъ князей все болѣе и болѣе ограничивается⁷⁾). При этомъ В. И. Сергѣевичъ указываетъ⁸⁾), что первый шагъ къ ограниченію отъѣзда вольныхъ слугъ былъ сдѣланъ Новгородскою республикою. Именно, новгородцы накладывали запрещеніе на имущество отъѣхавшаго. Въ Москвѣ начинаетъ бороться съ правомъ отъѣзда Иванъ III Васильевичъ. Онъ не отмѣняетъ этого права. „Онъ, по словамъ В. И. Сергѣевича, ставитъ лицъ, желающихъ отъѣхать, въ такія условія, что они сами отказываются отъ своего права отъѣзда... Это достигается такимъ образомъ. Служилый человекъ беретъ подъ стражу. Лишенный свободы, онъ даетъ всякія обѣщанія, лишь бы возстановить

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 308—309.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 309—310.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 311.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 312.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 314.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 315.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 315—316.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 316.

прежнія хорошія отношенія къ князю¹⁾. Эти обѣщанія выражались въ выдачѣ крестоцѣловальныхъ записей о неотѣздѣ, съ поручительствомъ въ этомъ въ извѣстной суммѣ и со стороны другихъ лицъ²⁾. „Дѣло, начатое Иваномъ Васильевичемъ, продолжается сыномъ его Василиемъ и внукомъ Иваномъ“³⁾. Боярское правительство въ малолѣтство Ивана Грознаго беретъ обѣщаніе съ удѣльнаго князя Андрея Ивановича не принимать къ себѣ отѣзжающихъ вольныхъ слугъ московскаго князя и доносить обо всѣхъ желающихъ отѣхать. Этому примѣру слѣдуетъ и самъ Иванъ Грозный⁴⁾. Въ XVI вѣкѣ на отѣздѣ правительство смотритъ, какъ на дѣяніе позорное, которое лишаетъ отѣхавшихъ мѣста „въ версту“ съ ихъ родственниками. Но закона, отмѣняющаго отѣздъ, не было, и сами вольные слуги продолжали держаться этого своего права⁵⁾. Примѣры живучести права отѣзда въ глазахъ вольныхъ слугъ В. И. Сергѣевичъ видитъ въ столкновеніи у постели больнаго Ивана Грознаго и въ бѣгствѣ бояръ отъ В. Шуйскаго въ Тушино, къ самозванцу⁶⁾. При этомъ и общественное мнѣніе часто клеймитъ отѣздъ позоромъ. Уничтоженіе права отѣзда измѣнило и характеръ службы. Отказываться отъ службы нельзя, отъ нея отставляютъ. Служить надо не сколько хочешь, а сколько положено⁷⁾. Существуетъ мнѣніе, что борьба съ правомъ отѣзда началась подъ вліяніемъ духовенства, велась съ его благословенія и довершилась съ его участіемъ. Проф. Дьяконовъ указываетъ, что древне-русскіе книжники-публицисты враждебно смотрятъ на княжескую дружину⁸⁾. Онъ приводитъ указанія, что хвалили вѣрныхъ слугъ⁹⁾, и говорить¹⁰⁾: „Можно думать, что эта новая проповѣдь (объ неотѣздѣ) не осталась безъ вліянія на княжескія правительства“. Въ другомъ мѣстѣ проф. Дьяконовъ говоритъ¹¹⁾: „Воля бояръ и вольныхъ слугъ на практикѣ начинаетъ ограничиваться уже съ XIV вѣка, когда

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 317.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 317—319.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 319.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 320—321.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 321—322.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 322—324.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 324.

⁸⁾ Власть московскихъ государей, С.-Иб., 1889, стр. 166—168.

⁹⁾ Ibidem, стр. 170—171.

¹⁰⁾ Ibidem, стр. 172.

¹¹⁾ Ibidem, стр. 181.

красугольный камень боярскихъ вольностей, свобода отъѣзда, была пошатнута. Уже въ это время начинаетъ проникать въ сознание князюй мысль, что отъѣздъ—измѣна. Эта мысль развивается безспорно подъ прямымъ вліяніемъ духовной проповѣди⁴. Нельзя не замѣтить, что только что приведенныя мнѣнія проф. Дьяконова вытекають, главнымъ образомъ, изъ основной задачи его сочиненія—показать, что централизація, самодержавіе, единоедержавіе и титулъ московскихъ царей были слѣдствіемъ византійскихъ теорій, дѣйствовавшихъ черезъ посредство духовенства. Можно указать, что книжники-публицисты хорошія дѣла князей приписываютъ дружинѣ⁵), что духовенство было лишь орудіемъ въ рукахъ болѣе опытныхъ и ловкихъ московскихъ государей, которые умѣли находить и поддерживать теоріи, одобрявшія ихъ поступки⁶). Замѣтимъ также, что проф. Ключевскій раздѣляетъ борьбу московскихъ государей съ боярами на два періода. Сперва велась борьба съ вольными слугами, закончившаяся бѣгствомъ сына послѣдняго московскаго тысяцкаго, Ивана Васильевича Вельяминова, и его казнью. Затѣмъ начинается борьба московскаго правительства съ служебными князьями и съ ихъ потомками, поминаніями о былыхъ владѣтельныхъ правахъ⁷).

Бояре и вольные слуги—не единственный терминъ для означенія высшаго класса свободныхъ людей; былъ и еще: „бояре и дѣти боярскіе“⁸). „Дѣти боярскіе по ремеслу тоже воины, какъ бояре и вольные слуги“⁹). „Дѣти боярскіе, какъ и вольные слуги вообще, суть землевладѣльцы“¹⁰). „Наконецъ, къ дѣтямъ боярскимъ примѣнимы и всѣ правила объ отъѣздѣ“¹¹). Терминъ „дѣти боярскіе“ В. И. Сергѣевичъ объясняетъ такъ: сперва это были дѣйствительно

⁴) См. Палсіевъ сборникъ XIV вѣка (Историч. хрестоматія *Галазова*, стр. 532), Посланіе Данила Заточника (*ibidem*, стр. 632), Златоустъ 1555 г. (*Востоковъ*, Описаніе рук. Рум. музея, стр. 231, № CLXXXII).

⁵) Ср. оправданіе ими своего самодержавія теорією божественнаго происхожденія власти и привлеченіе Вассіана Патрикѣева къ вопросу о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ.

⁶) Боярская Дума, М., 1882. Какъ мы видѣли, В. И. Сергѣевичъ считаетъ единство Россіи твореніемъ вольныхъ слугъ. Проф. Загоскинъ также высоко ставитъ государственную дѣятельность служилаго класса (Исторія права Московскаго государства, т. I, Казань, 1879, стр. 23—25).

⁸) Юридич. древности, I, стр. 324.

⁹) Юридич. древности, I, стр. 324—325.

¹⁰) Юридич. древности, I, стр. 325.

¹¹) Юридич. древности, I, стр. 326.

дѣти бояръ, которые естественно стояли ниже своихъ отцовъ. Потому по аналогіи этимъ терминомъ стали называть вообще низшіи разрядъ вольныхъ слугъ, меньшихъ бояръ, и въ источникахъ иногда дѣтей боярскихъ называютъ боярами ¹⁾).

„Мы уже видѣли—продолжаетъ проф. Сергѣевичъ,—что и купцы получали привилегіи. Тѣмъ болѣе правъ на привилегіи имѣли бояре и слуги вольные“ ²⁾. Имъ предоставлялось право суда надъ населеніемъ ихъ земель. Они сами подлежали непосредственному суду самого князя. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ³⁾: „Возникновеніе указанныхъ преимуществъ и льготъ относится, конечно, къ самой отдаленной древности“, и далѣе ⁴⁾: „Надо думать, что такія пожалованія составляли общее правило, а не исключеніе“. „Вотчинный судъ существуетъ еще въ полной силѣ въ срединѣ XVI вѣка; онъ оставилъ явный слѣдъ свой въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича“ ⁵⁾. Изъ этихъ привилегій видно, что сельское населеніе, еще задолго до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, находилось уже подъ вотчиннымъ судомъ владѣльцевъ. „А такъ какъ намѣстники не вѣзжаютъ въ привилегированныя вотчины ни по какимъ дѣламъ, кромѣ душегубства, разбоя и татбы съ поличнымъ, то владѣльцамъ принадлежалъ не одинъ судъ, а и управленіе вообще“ ⁶⁾. Замѣтимъ, что вопросъ о жалованныхъ грамотахъ—вопросъ очень интересный. А. П. Горбуновъ собралъ 230 жалованныхъ грамотъ монастырямъ и церквамъ. Онъ говоритъ: „Жалованныя грамоты были такіе акты, по которымъ высшая власть... предоставляла какому нибудь физическому или юридическому лицу или имуществу въ собственности, во владѣніе, или право на изыятіе отъ нормальнаго порядка вещей“ ⁷⁾. Представляется очень важнымъ рѣшить вопросъ о настоящемъ времени возникновенія ихъ. Горбуновъ ⁸⁾, не находя документовъ о болѣе раннемъ существованіи жалованныхъ грамотъ, относитъ ихъ возникновеніе къ XIII вѣку, тогда какъ В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что возникновеніе преимуществъ и льготъ частныхъ владѣльцевъ должно быть отнесено

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 326—327.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 327—328.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 328.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 330.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 330.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 331.

⁷⁾ Лготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и церквамъ въ XIII, XIV и XV вѣкахъ (Архивъ истор. и практ. свѣд., *Калачовъ*, 1861, I, стр. 2).

⁸⁾ *Ibidem*, стр. 3.

къ самой отдаленной древности, хотя по памятникамъ ихъ можно прослѣдить лишь до первой половины XIV вѣка ¹⁾. Вообще болѣе обращаютъ вниманія на то, когда уничтожились эти льготы, а не на то, когда онѣ возникли. а между тѣмъ это могло бы бросить свѣтъ на слѣдующее: Нѣтъ никакого сомнѣнія, что теорія г. Затыркевича о покореніи въ Россіи однимъ племенемъ другаго не выдерживаетъ критики ²⁾. Не было въ Россіи и феодальнаго устройства, которое нашель въ ней Костомаровъ ³⁾. Но очевидно, что во внутреннемъ строѣ древне-русскаго общества мы находимъ нѣкоторыя черты того устройства, которое называютъ феодальнымъ и которое выводятъ обыкновенно изъ борьбы. Б. Н. Чичеринъ говоритъ ⁴⁾: „Рядомъ съ нимъ (княземъ) являются и другіе свободные собственники: прежде всего, какъ самые многочисленныя, *потомки дружинниковъ*, бояре и слуги“. Не можемъ не привести слѣдующаго еще соображенія: князей призвали не всѣ жители Руси: „рѣша руси чюдъ, словѣни и кривичи“ ⁵⁾. Затѣмъ начинается покореніе остальной земли. Рюрикъ посадилъ своихъ мужей въ Полоцкъ, въ Ростовъ, въ Бѣлоозеро. Только двумъ не нашлось мѣста: они покорили полянь. Олегъ взялъ Смоленскъ у кривичей, Кіевъ у полянь (подъ 6390 г.), наложилъ дань на древлянъ (подъ 6391 г.), отнялъ сѣверяпъ отъ козаръ (подъ 6392 г.), покорилъ радимичей и „бѣ обладая Олегъ поляны и древляны, северяны и радимичи“... (подъ 6393 г.) ⁶⁾. Святославъ и Владиміръ борются съ пятичами и покоряютъ ихъ ⁷⁾. Владиміръ борется съ радимичами ⁸⁾. Ярославъ воевалъ съ чудью и построилъ въ ихъ землѣ городъ Юрьевъ ⁹⁾. Нельзя, мнѣ кажется, игнорировать подобныя порядки вещей и представлять князей призванными населеніемъ

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 328.

²⁾ О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе строя Русскаго государства въ до-монгольскій періодъ. М., 1874. Уничтожающую рецензію на этотъ трудъ написалъ В. И. Сергѣевичъ (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1876, № 1).

³⁾ Начало единой державы въ древней Руси (*Вѣстникъ Европы*, 1870, № XII, стр. 511)

⁴⁾ Опыты по исторіи русск. права, М., 1858. Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи, стр. 11.

⁵⁾ II. С. Р. Л., т. I, Лаврент. л. стр. 8, подъ 6370.

⁶⁾ Ibidem, стр. 10.

⁷⁾ Ibidem, стр. 27, 35.

⁸⁾ Ibidem, стр. 86.

⁹⁾ Ibidem, стр. 64.

Россіи. Они призваны были лишь небольшою частью сѣверныхъ жителей, а всю остальную страну покорили. Поэтому изгонять формы феодальнаго устройства, какъ не имѣющія у насъ основанія, врядъ ли возможно. Мы не выдаемъ того, что здѣсь сказали, за теорію феодальнаго устройства. Мы только желали бы показать, что въ наукѣ мало обращали вниманія на эту сторону дѣла, не въ отношеніи ея къ междукняжескому устройству, а по отношенію къ земельному обладанію, привилегіямъ вольныхъ слугъ и къ отношеніямъ власти къ подданнымъ. В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ вопросъ, когда было уничтожено право вотчиннаго суда, и думаетъ, что оно вошло, какъ составная часть, въ право господина надъ крѣпостными крестьянами ¹⁾. „Только что разсмотрѣнныя привилегіи вольныхъ слугъ возникаютъ каждый разъ въ силу особой жалованной грамоты... Заключая въ себѣ отказъ князя отъ принадлежащихъ ему правъ, привилегіи эти могутъ быть раздаваемы только въ предѣлахъ территоріи, на которую распространяется власть князя“ ²⁾. Вотчинный судъ, конечно, устанавливалъ и нѣкоторую связь съ мѣстнымъ княземъ. Собственникъ могъ исполнить свое право суда и не лично ³⁾. Слѣдующею привилегіею, также весьма распространенною, было кормленіе. „Кормленіе есть государственная должность по общему или спеціальному управленію, но нѣсколько въ иномъ смыслѣ, чѣмъ мы понимаемъ теперь слово должность... Кормленщикъ не только судилъ и управлялъ, но и за свой счетъ получалъ пошлины отъ суда и другіе княжескіе доходы“ ⁴⁾. „Къ кормленьямъ по общему управленію относятся должности на мѣстниковъ и волостелей, по спеціальному—пути.. и сборы торговыхъ пошлинъ и разныхъ другихъ доходовъ“ ⁵⁾. Какъ кормленщикъ, такъ и населеніе получали грамоты, въ которыхъ опредѣлялось, сколько одному брать, а другимъ давать корму и всякихъ пошлинъ ⁶⁾. В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что кормленіе у насъ такъ-же древне, какъ и вольные слуги, и что раздача Рюрикомъ городовъ мужамъ была кормленіемъ ⁷⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ приводитъ нѣсколько при-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 831.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 331—332.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 332—333.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 333.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 333.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 333—334.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 334. Не можемъ не привести для аналогіи со словомъ *кормленіе* *feodum* Западной Европы. Гизо указываетъ два словопроизвод-

мѣровъ пожалованья кормленій, указываетъ, что кормленья иногда жаловались потомственно, и замѣчаетъ, что система кормленій въ древней Руси была общимъ явленіемъ, такъ что лѣтописецъ говоритъ объ Иванѣ Грозномъ: „Бояръ же и вельможъ и всѣхъ воиновъ... устроилъ кормленьемъ, праведными уроки“¹⁾. „Кормленіе есть покой отъ службы, то-есть, отъ военной; дается оно, слѣдовательно, въ награду за военные труды“²⁾. Награда кормленьями выдѣляетъ заслуженныхъ вольныхъ слугъ въ особую группу, которая иногда и называется путными боярами³⁾. Кормленьщики пользовались также правомъ отъѣзда, но такъ какъ отъ этого нерѣдко страдали дѣла управленія, то союзные князья обязывались давать отъѣхавшему къ нимъ кормленьщику кормленья не раньше, какъ по исправѣ имъ всѣхъ дѣлъ перваго князя⁴⁾. Ограниченіемъ права кормленія было изданіе при Иванѣ Грозномъ уставныхъ земскихъ и губныхъ грамотъ, но В. И. Сергѣевичъ говоритъ⁵⁾: „и та и другая мѣра имѣла значеніе исключенія, а не общаго правила, и вовсе не была направлена противъ системы кормленій въ принципѣ“. Есть мнѣніе, что мѣстное самоуправленіе было дано первоначально мѣстностямъ, отобраннымъ въ опричнину⁶⁾. По въ самое послѣднее время указано, „что еще до открытія Стоглаваго собора московское правительство имѣло готовый планъ о возможной замѣнѣ кормленій органами земскаго самоуправления, и весьма вѣроятно предположеніе, что этотъ планъ подка-

---

ства *feodum*: „Le mot *feodum* est d'origine latine; il vient du mot *fides* et désigne la terre à raison de laquelle on était tenu à la fidélité envers un suzerain“. Второе, которому, отдаетъ предпочтеніе и самъ Гизо: „du mot *fe*, *fee* salaire, récompense, et du radical *od*, propriété, bien, possession“... „*feodum* et *beneficium* sont employés indifféremment“ (Histoire de civilisation en France, III vol., Paris, 1862, p. 232 — 233). Приводимъ въ связь феодеъ и кормленіе, а не помѣстье, потому что 1) они сходны этимологически и 2) *feodum*, какъ и кормленье, давался за службу, а не для службы, какъ помѣстье (*Guisot*, op. cit., III, page 235).

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 334—336. Приведемъ здѣсь болѣе оригинальное, чѣмъ вѣроятное мнѣніе, что кормленіе отъ слова *корма*, *кормчій*, а не отъ слова *кормъ*. Б. Н. Чичеринъ выводитъ кормленье изъ своей теоріи вотчиннаго обладанія князьями ихъ волостей (Опытъ по исторіи русск. права, М., 1868, стр. 378).

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 336.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 337.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 337—338.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 339.

⁶⁾ С. М. Середонинъ, Сочиненіе Джильса Флетчера „Of the Russe common wealth“, какъ историческій источникъ, С.-Пб., 1891, стр. 261 sqq.

занъ правительству на соборѣ 1550 года¹⁾. Во всякомъ случаѣ, врядь ли можно считать реформу Ивана Грознаго не принципиальною. Что она не была проведена вполнѣ и вездѣ, это вопросъ иной. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что кормленщики существуютъ до XVII вѣка, но самъ оговаривается, что существуетъ только въ видѣ исключенія, хотя и новые воеводы продолжали пытаться отъ своихъ должностей²⁾. Разумѣется, это питаніе уже было злоупотребленіемъ. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ рассматриваетъ терминъ путныхъ бояръ. Онъ говоритъ³⁾: „Путь-дорога, въ противоположность бездорожью, есть удобство, выгода, преимущество, нѣчто хорошее. Отсюда мы и теперь говоримъ: будетъ ли изъ тебя путь? то-есть, прокъ, дѣло. Отсюда путный и безпутный человѣкъ. То же значеніе выгоды, преимущества имѣетъ это слово и въ древнемъ языкѣ. Поэтому кормленіе есть путь, а кормленьщикъ—путный человѣкъ“. Далѣе авторъ подтверждаетъ это примѣрами⁴⁾. Укажемъ, что С. М. Соловьевъ говоритъ, что слово „путь“ имѣетъ то же значеніе, какъ и доходъ, и аналогично произведено отъ глагола движенія⁵⁾. Въ заключеніе изслѣдованія о вольныхъ слугахъ В. И. Сергѣевичъ разбираетъ вопросъ о помѣстьяхъ. Не извѣстно, дѣлались ли такія пожалованья своею землею вольныхъ слугъ со стороны князей до-московскаго времени. Первое упоминаніе о такомъ порядкѣ вещей мы находимъ отъ времени Ивана Калиты. При Иванѣ же Васильевичѣ это обратилось въ систему⁶⁾. Первоначально пожалованье дается условно, до тѣхъ поръ пока служилый человѣкъ будетъ служить князю, отъ котораго получилъ пожалованье. Но по мѣрѣ отѣмны отъѣзда пожалованье въ помѣстьѣ встрѣчается уже безъ оговорки постоянной службы. Отличіе помѣщиковъ отъ вотчинниковъ—въ томъ, что первые не имѣютъ права распоряженія. Льготы помѣщиковъ тѣ же, какъ и вотчинниковъ. То, что пожаловано въ помѣстьѣ однимъ княземъ, остается неприкосновеннымъ и при его наслѣдникахъ⁷⁾.

¹⁾ М. А. Дьяконовъ, Дополнительныя свидѣнія о московскихъ реформахъ половины XVI вѣка, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1894, апрѣль, стр. 192).

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 340—341.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 341—342.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 342—345.

⁵⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. IV, изд. 3-е., М., 1863, стр. 200.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 345—346.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 346—350.

Предпослѣднюю главу перваго тома „Юридическихъ древностей“ авторъ посвящаетъ изслѣдованію положенія дворовыхъ чиновъ. Можно замѣтить, что въ вышеизложенномъ авторъ рассматриваетъ служилыхъ слугъ съ ихъ общегосударственной точки зрѣнія, по ихъ экономическому отличію отъ другихъ, по ихъ профессіи воиновъ. Въ настоящей же главѣ В. И. Сергѣевичъ разбираетъ внутренній бытъ княжескаго двора, взаимныя отношенія его членовъ. Основаніемъ для введенія въ кругъ „Юридическихъ древностей“ частнаго двора князя служитъ то обстоятельство, что „дворъ князя, мѣсто его постоянного жительства и центръ всѣхъ хозяйственныхъ операцій. былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшимъ присутственнымъ мѣстомъ, мѣстомъ суда и управленія“¹⁾. „Органы управленія княжескимъ хозяйствомъ были судьями и администраторами. Таковы въ древнѣйшее время княжескіе тиуны, отроки его и дѣтскіе“²⁾.

Тиунъ есть домашній слуга, ключникъ. „Въ большихъ хозяйствахъ такихъ тиуновъ могло быть нѣсколько“³⁾. „Этимъ тиунамъ ключникамъ поручалось производить и судъ вмѣсто князя“⁴⁾. С. М. Соловьевъ говоритъ⁵⁾: „Званіе тиуна, какъ оно является въ нашихъ древнихъ памятникахъ, можно означить словомъ приставникъ, съ неопредѣленнымъ значеніемъ: приставникъ, который смотрѣлъ за домомъ, за конюшнею, за судомъ, за сборомъ доходовъ княжихъ, за селомъ княжимъ“. „Термины „дѣтскіе“ и „отроки“ обозначаютъ обыкновенно домашнюю прислугу, состоящую у стола и гардероба и сопровождающую своего господина во время его выѣздовъ“⁶⁾. Этихъ мелкихъ слугъ князя также употребляютъ и для правительственныхъ надоб-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 351.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 351. В. И. Сергѣевичъ ни въ ряду вообще свободнаго населенія, ни въ ряду чиновъ двора не указываетъ „огнищанъ“ и упоминаетъ этотъ терминъ только для опроверженія взгляда Карамзина, что огнищаный тиунъ былъ судьей огнищанъ. (О различныхъ теоріяхъ слова „огнищанникъ“ см. *Плюшійскій*, Городское или среднее состояніе русскаго народа, С.-Ииб., 1852, стр. 33—44, и *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I, изд. 4-е, М., 1866, стр. 245—246. Соловьевъ думаетъ, что огнищанникъ есть старшій членъ дружины. Ср. также *ibidem*, стр. 366, прим. 351).

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 351.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 352.

⁵⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I, изд. 4-е, М., 1866, стр. 249 и 366, прим. 352.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 352.

постей, напримеръ, дѣлать спорниковъ о наслѣдствѣ¹⁾. Военными слугами князя были гриди и мечники. В. И. Сергѣевичъ склоняется къ производству Карамзина слова гридень отъ шведскаго *gred*—мечъ²⁾. Замѣтимъ, что Розенкампфъ производитъ это слово отъ скандинавскаго *grith*—дворъ князя³⁾. С. М. Соловьевъ припоминаетъ толкованіе Срезневскаго, что слово гридень происходитъ отъ хорутанскаго грида, значить громада, толпа, сборище, слѣдовательно дружина⁴⁾. Относительно мечниковъ В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ, что напрасно профессоръ Мрочекъ-Дроздовскій раздѣляетъ ихъ отъ меченосцевъ. Мечникъ, хотя оруженосецъ князя, но также употреблялся и въ качествѣ судебного чиновника⁵⁾. Княжескій дворъ древней Руси былъ не пышенъ и не многолюденъ. Общественное положеніе многихъ изъ княжескихъ слугъ было не изъ высокихъ; среди нихъ даже были холопы⁶⁾. Позволимъ себѣ по поводу княжескаго двора до-монгольскаго періода замѣтить слѣдующее. Князья управляли черезъ своихъ домохозяевъ, управителей, ключниковъ, оруженосцевъ. Но это не была норма. Мы знаемъ, что и народъ негодовалъ на князей, которые судятъ не сами, а черезъ тиуновъ, и сами князья не совѣтывали этого своимъ дѣтямъ. Послѣ смерти Всеволода Ольговича кievляне жалуются Святославу Ольговичу на то, что тиуны Ратша и Тудоръ ихъ притѣсняютъ, и требуютъ, чтобы впредь князь судилъ самъ⁷⁾. Владиміръ Мономахъ говоритъ: „не зрите на тивуна, ни на отрока“⁸⁾. Точно также на Западѣ Европы управляли мажордомы Меровинговъ не по закону, а какъ слѣдствіе слабости правителей, которые за это и порицаются⁹⁾.

Нельзя не указать, что въ связь со строемъ княжескаго двора

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 853.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 354.

³⁾ Обзоръніе Кормчей, С.-Иб., 1839, стр. 315. Къ этому же склоняется *И. А. Ивановъ*, Россія въ статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи, С.-Иб., 1837, ч. 2, стр. 219—221.

⁴⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I, изд. 4-е, М., 1866, стр. 247 и 366, прим. 346.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 354, примѣч.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 355.

⁷⁾ *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. II, изд. 4-е, М., 1869, стр. 124.

⁸⁾ П. С. Р. Л., т. I, Лаврент. л. подъ 6604. г.

⁹⁾ *Шлоссеръ*, Всемирная исторія, т. V, стр. 335 sqq.

древней Руси иногда ставятъ возникновеніе сословій¹⁾. „По мѣрѣ развитія княжеской власти и особенно увеличенія земельныхъ имуществъ князей московскаго дома —продолжаетъ г. Сергѣевичъ—составъ княжескаго двора измѣняется... Въ XVI и главнымъ образомъ въ XVII вѣкѣ всѣ лучшіе люди Московскаго государства добиваются уже чести поступать въ придворный штатъ московскихъ государей въ качествѣ ихъ спальниковъ, стольниковъ, чашниковъ, крайчихъ и т. д.“²⁾. „Дворъ московскихъ государей XVII вѣка представляетъ блестящую картину бояръ введенныхъ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ и иныхъ чиновъ, которые ежедневно собираются въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ на крыльцѣ московскаго дворца и въ его передней“³⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ боярскія книги и указываетъ ихъ значеніе для изученія состава двора московскихъ государей⁴⁾. Боярами введенными, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, называли бояръ для суда, то-есть, такихъ, которые отправляли судъ вмѣсто князя и отъ его лица⁵⁾. Должность, которую исправляли введенные бояре, была очень древнею, хотя имя введенныхъ не старѣе XIV вѣка⁶⁾. Затѣмъ авторъ перечисляетъ по памятникамъ имена бояръ введенныхъ, замѣчая, что введенные бояре это тѣ, которымъ боярство сказывается⁷⁾. Укажемъ здѣсь, что В. И. Сергѣевичъ объясняетъ терминъ: „введенный бояринъ“ тѣмъ, что бояринъ вводился въ милость къ князю⁸⁾, тогда какъ С. М. Соловьевъ производитъ этотъ терминъ отъ выраженій: вводить въ управленіе городомъ, вводить въ кормлене⁹⁾. Далѣе В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что достоинство фамилій московской Руси опредѣлялось тѣмъ обстоятельствомъ, служили ли члены ихъ только введенными боярами, или бывали и окольничими, или, наконецъ, не бывали боярами, и затѣмъ перечисляетъ тѣхъ, которые бывали исклю-

¹⁾ *М. Яблочковъ*, Исторія дворянскаго сословія въ Россіи, С.-Пб., 1876 г., стр. XXIII вѣд. Авторъ вообще стремится доказать существованіе въ Россіи сословій съ самыхъ древнѣйшихъ временъ.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 355—356.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 356.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 357—360.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 360—361.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 361—362.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 362—364.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 362.

⁹⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. IV, изд. 3-е, М., 1863, стр. 200; см. также *М. Яблочковъ*, Исторія дворянскаго сословія, С.-Пб., 1876, стр. 86.

чительно боярами введенными и введенными и окольными вмѣстѣ ¹⁾. „Существованіе особыхъ боярь, назначаемыхъ для производства суда, дало начало и особому термину для обозначенія этого суда: это „боярскій судъ“ ²⁾. Постепенно право боярскаго суда было отвлечено отъ званія боярина и давалось волостелямъ и намѣстникамъ, а затѣмъ дѣлилось между ними и дьяками. „Сопоставленіе худороднаго дьяка съ благороднымъ бояриномъ въ одномъ и томъ же судѣ и необходимость единогласія такихъ разнородныхъ элементовъ представляетъ реформу великой важности. Московская Русь наслѣдовала боярь Руси до-московской; въ составъ этого высшаго класса вошла масса княжескихъ фамилій, лишенныхъ московскою властью своихъ старинныхъ верховныхъ правъ. Московскіе государи продолжаютъ пользоваться услугами боярь и даютъ имъ званіе „введенныхъ“, но чтобы ослабить ихъ значеніе, они ставятъ рядомъ съ ними дьяковъ“ ³⁾. Дальнѣйшимъ прогрессомъ въ дѣлѣ ослабленія личнаго значенія введенныхъ боярь были указы и боярскаѣ дума ⁴⁾. Но это уже новостъ. Въ древнее время „бояре введенные вѣдаютъ судъ по дѣламъ, восходящимъ до государя“ ⁵⁾. Бояре, совѣтники государя, съ семействами своими принимали участіе во внутренней жизни московскаго двора, хотя не всё находились въ одинаковой близости къ особѣ государя. Тѣ, кто былъ ближе другихъ, назывался ближнимъ бояриномъ. Сдѣлаться ближнимъ бояриномъ было мечтою всѣхъ боярь. Постепенно имя ближняго боярина, такъ же, какъ и введеннаго, стало титуломъ и его начали сказывать ⁶⁾. Боярство, какъ чинъ, жаловалось государями. Государи же могли и исключать изъ боярства. Вообще же „введенные бояре награждались всѣми тѣми милостями и пожалованіями, которыя обыкновенно выпадали на долю служилыхъ людей, но, конечно, въ большей мѣрѣ“ ⁷⁾. Слѣдующимъ званіемъ, которое разсматриваетъ В. И. Сергѣевичъ, было званіе „окольного“. Онъ говоритъ ⁸⁾: „Древнѣйшія указанія на окольныхъ относятся къ первой половинѣ XIV вѣка“. Окольные вѣдали путешествіями

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 365—371.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 371.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 373.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 373—376.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 376.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 377—382.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 384.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 385.

государя и являли ему пословъ, распоряжались встрѣчею ихъ ¹⁾. Чинъ окольниковъ ниже чина боярина. Фамиліи, которыя были только въ окольниковъ (В. И. Сергѣевичъ ихъ перечисляетъ), надо признать третъестепенными родами ²⁾. Число окольниковъ было первоначально очень невелико, но постепенно количество ихъ увеличивается, и званіе это становится просто чиномъ, безъ реального значенія. Званіе окольниковъ тоже жалуются государемъ и отнимается. и окольники могутъ пользоваться всѣми пожалованіями, какъ вольные слуги ³⁾. Позволимъ себѣ замѣтить, что С. М. Соловьевъ относитъ время возникновенія окольниковъ къ XIII вѣку и указываетъ памятникъ 1284 года, гдѣ имя это встрѣчается ⁴⁾. Однимъ изъ древнѣйшихъ чиновъ княжескаго двора были „дворецкіе“. Званіе это встрѣчается уже въ XII вѣкѣ ⁵⁾. Они завѣдуютъ дворомъ князя. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ⁶⁾: „Можно думать, что это только новое наименованіе для извѣстныхъ уже намъ домовыхъ ключниковъ“. Дворецкій или дворскій, какъ лицо приближенное къ князю, присутствовалъ на судѣ кормленщиковъ. Въ ихъ завѣдываніи находились всѣ служители двора и всѣ, кто пользовался государевыми землями ⁷⁾. На обязанности дворецкихъ лежалъ иногда судъ въ монастырскихъ вотчинахъ, гдѣ они судили именемъ князя ⁸⁾. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что съ вопросомъ о развитіи значенія дворецкаго въ связи стоитъ вопросъ о приказѣ Большаго Дворца, который вѣдалъ, кромѣ хозяйственныхъ дѣлъ двора московскихъ государей, болѣе, чѣмъ 40 городами ⁹⁾. Нельзя не указать, что вопросъ этотъ очень интересенъ, и особенно выдвигается на первый планъ, благодаря недавнему спору о возникновеніи четей и вообще благодаря послѣднимъ изслѣдованіямъ объ экономическомъ строѣ Московскаго государства. П. Н. Милюковъ ¹⁰⁾ и С. М. Середонинъ ¹¹⁾ предполагали возникновеніе четей изъ

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 385—386.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 388—390.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 390—392.

⁴⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. IV, М. 1863, стр. 200.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 393.

⁶⁾ Ibidem.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 394—396.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 396—397.

⁹⁾ Юридич. древности, I, стр. 397—398.

¹⁰⁾ Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформы Петра Великаго, С.-Пб., 1892, стр. 25 sqq.

¹¹⁾ Сочиненіе Джильса Флетчера „Of the Russe common wealth“, какъ историческій источникъ, С.-Пб., 1891, стр. 259 sqq.

дворцоваго управленія. Но П. Н. Милюковъ выводилъ ихъ изъ приказа Большаго Дворца, изъ котораго, по его мнѣнію, выдѣлилось все финансовое управленіе Московскаго государства; С. М. Середонинъ же утверждалъ, что чети возникли въ опричнинѣ, и противопоставалъ ихъ земскому управленію дворецкихъ. Въ самое послѣднее время проф. Дьяконовъ, разобравъ вышеприведенныя мнѣнія, пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Мы сомнѣваемся,—говорить онъ—также, чтобы онѣ (чети) выдѣлились изъ приказовъ Большаго Дворца или Большаго Прихода“, также: „не можетъ быть рѣчи о возникновеніи четей въ опричнинѣ“¹⁾. По мнѣнію г. Дьяконова, чети выдѣлились изъ вѣдомства казначеевъ²⁾. Замѣтимъ, что В. И. Сергѣевичъ не касается вовсе этого вопроса въ своихъ „Юридическихъ древностяхъ“. Въ другихъ же трудахъ онъ рассматриваетъ и дворскихъ, и казначеевъ, и указы, но не въ историческомъ ихъ преемствѣ, а догматически³⁾. В. И. Сергѣевичъ заканчиваетъ вопросъ о дворецкихъ замѣчаніемъ, что первоначальная функція дворецкихъ была чисто домоправительская и потому они ниже чести, чѣмъ окольные, и перечисливъ дворецкихъ въ XVI и XVII вѣкахъ, говоритъ, что къ концу XVII вѣка „званія боярина и дворецкаго сливаются въ одинъ высшій почетный титулъ“⁴⁾. Возможно сдѣлать при этомъ небольшое замѣчаніе. Авторъ говоритъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, получивъ отъ отца своего одного дворецкаго, сразу назначилъ 12 бояръ-дворецкихъ, и что съ того времени дворецкій сталъ нераздѣльнымъ отъ боярина титуломъ. Не есть ли тутъ иное значеніе слова дворецкій? Трудно допустить, чтобы Алексѣй Михайловичъ сразу перевелъ реальную должность въ значеніе титула. Скорѣе можно предположить, что тѣ, кто писали указы, стали употреблять слово дворецкій въ смыслѣ придворный, отчего, конечно, произошло смѣшеніе понятій. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ переходитъ къ конюшему: „чишъ конюшаго,—говоритъ онъ,—существуетъ съ самой глубокой древности“⁵⁾. Авторъ указываетъ, что до самаго конца XV вѣка конюшіе занимали невысокое мѣсто при дворѣ. Съ этого же времени, вслѣдствіе

¹⁾ Дополнительныя свѣдѣнія о московскихъ реформахъ половины XVI вѣка (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894 г., апрѣль, стр. 197).

²⁾ *Ibidem*, стр. 197—198.

³⁾ Лекціи, изд. 1890 г., стр. 415—417. Лекціи и изслѣдованія, С.-Пб., 1894, стр. 151—154.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 403.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 408.

общаго стремленія московскихъ государей возвеличивать служебныхъ чиновъ надъ чинами наслѣдственными, произошло и фактическое возвышеніе конюшнихъ ¹⁾). Авторъ далѣе указываетъ, что въ вѣдѣніи бояръ-конюшнихъ состояли разные виды конюховъ, которыхъ служебное положеніе было ниже дяковъ, подьячихъ и городскихъ дворянъ ²⁾). Последнимъ конюшимъ былъ бояринъ М. Ѡ. Нагой. Послѣ него конюшенинымъ приказомъ вѣдалъ ясельничій ³⁾). Крайчіе явились лишь въ московское время. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ⁴⁾): „Мы не встрѣтили термина „крайчій“ ранѣе начала XVI вѣка. Крайчій служитъ государю въ торжественныхъ случаяхъ за обѣденнымъ столомъ“. Крайчій былъ одинъ. Онъ не исполнялъ обязанностей по управленію и стоялъ ниже окольничихъ ⁵⁾). „Запасы всякой домашней рухляди: платья, бѣлья, мѣховъ..... денегъ и пр. носили у насъ въ древности наименованіе казны“ ⁶⁾). „Лицо, хранявшее казну, называлось *казначеемъ*“ ⁷⁾). Въ до-московское время казною вѣдали тиуны-ключники. Въ духовныхъ грамотахъ московскихъ князей встрѣчаются на ряду съ ними и казначей. Но это такіе же рабы, которыхъ перѣдко князья въ своихъ духовныхъ отпускаютъ на волю. „Учрежденіе казначеевъ, занимающихъ опредѣленное и весьма почетное мѣсто на лѣстницѣ московскихъ придворныхъ чиновъ, принадлежитъ, по всей вѣроятности, великому князю Ивану Васильевичу, и стоитъ, надо думать, въ связи съ предприятимъ имъ учрежденіемъ приказовъ“ ⁸⁾). В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что казначей вѣдали не всѣми доходами Московскаго государства. Имъ вѣдали конюшіе и дворецкіе ⁹⁾). Замѣтимъ, что авторъ говоритъ, что казначей вѣдали специально приказъ „Казеннаго двора“ ¹⁰⁾). Въ другомъ же мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что казначей стоятъ во главѣ всѣхъ финансовыхъ приказовъ ¹¹⁾). В. И. Сергѣевичъ самъ говоритъ ¹²⁾): „Вѣдомство казначеевъ.... не остава-

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 405—407.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 407—410.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 410.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 411.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 412—414.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 414.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 415.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 416.

⁹⁾ Юридич. древности, I, стр. 417.

¹⁰⁾ Юридич. древности, I, стр. 416.

¹¹⁾ Лекціи и наслѣдованія, С.-Пб., 1894, стр. 152.

¹²⁾ Юридич. древности, I, стр. 417.

лось неизмѣннымъ. Сначала оно быстро возрастаетъ, а затѣмъ, по мѣрѣ развитія приказныхъ учрежденій, сокращается“. П. П. Милюковъ, держась теоріи органическаго развитія системы приказнаго управленія изъ дворцоваго, думаетъ, что изъ вѣдомства приказа Большаго Дворца выдѣлился приказъ Большаго Прихода, въ подчиненіи котораго стояли чети ¹⁾, связывая такимъ образомъ финансовое устройство Московскаго государства съ дворецкими. М. А. Дьяконовъ же указываетъ, что чети непосредственно выдѣлились изъ вѣдомства казначеевъ ²⁾. Замѣтимъ, что предположеніе проф. Дьяконова бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то обстоятельство, что, по словамъ В. И. Сергѣевича ³⁾, „судебная компетенція ихъ (казначеевъ) была весьма широка, и во многихъ случаяхъ мы не имѣемъ даже возможности объяснить, почему извѣстныя дѣла подлежали именно суду казначеевъ“. Мы видимъ, что съ одной стороны изслѣдователи, какъ напримѣръ, К. А. Непольинъ ⁴⁾; унижаютъ значеніе казначеевъ, съ другой стороны, указываютъ на необъятное количество дѣлъ, подлежащихъ ихъ рѣшенію ⁵⁾. Если же мы примемъ, что всѣ кормы и сборы намѣстниковъ и волостелей перешли подъ вѣдѣніе казначеевъ, а сборъ пошлинъ въ Москвѣ соединился съ судомъ надъ тѣми, кто платилъ пошлины, то мы получимъ широкую область, надъ которою распространялась власть казначея. Вмѣстѣ съ этимъ и другое явленіе, на которое указываетъ В. И. Сергѣевичъ ⁶⁾, что вѣдомство казначеевъ въ половинѣ XVII вѣка очень сократилось, объясняется выдѣленіемъ изъ него новыхъ приказовъ. Казначей занимаетъ мѣсто послѣ крайчаго и выше думныхъ дворянъ ⁷⁾. Въ заключеніе авторъ перечисляетъ казначеевъ ⁸⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ переходитъ къ разсмотрѣнію положенія думныхъ дворянъ. Онъ указываетъ, что первоначально дворянами стали называться лица, состоящія при

¹⁾ Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, С.-Пб., 1892, стр. 147, и Государственное хозяйство Россіи etc., С.-Пб., 1892, стр. 34.

²⁾ Дополнительныя свѣдѣнія о московскихъ реформахъ половины XVI вѣка (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894 г., апрѣль, стр. 197).

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 417.

⁴⁾ Полное собраніе сочиненій, т. VI, С.-Пб., 1859: Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго, стр. 163, пр. 185.

⁵⁾ *Владимірскій-Вудиновъ*, Христоматія по исторіи русскаго права, в. III, изд. 2-е, К., 1885, стр. 1, пр. 1.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 419.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 420.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 421—422.

дворѣ князя. Такіе же дворовые слуги встрѣчаются и въ штатахъ частныхъ господъ. Они тоже именуется дворянами ¹⁾. Московскіе государи начали недовѣрчиво смотрѣть на такіе частные дворы, и „великій князь Ивапъ Васильевичъ приказалъ переписать на свое имя служилыхъ людей изъ дворовъ нѣкоторыхъ князей (служилыхъ) и бояръ“ ²⁾. Эти дворяне были помѣщены на княжескихъ земляхъ и образовали помѣщиковъ, которые постепенно слились съ дѣтьми боярскими, при чемъ долго еще не устанавливается точная терминологія, и мы долго встрѣчаемъ еще имя дѣтей боярскихъ ³⁾. Затѣмъ въ 1578 году мы встрѣчаемъ „дворянъ, которые въ думѣ“ ⁴⁾. В. И. Сергѣевичъ при этомъ указываетъ, что приближеніе людей неродовитыхъ было общимъ явленіемъ у московскихъ государей, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что они появились и въ думѣ, ослабляя значеніе родоваго элемента. По мѣсту думный дворянинъ стоитъ ниже родовитаго простаго дворянина ⁵⁾. Дворяне состояли изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ; были между ними люди и родовитые, и неродовитые, и даже иноземцы, не надѣленные помѣстьями ⁶⁾. Дворяне не составили отдѣльнаго, разграниченнаго отъ другихъ, класса. Они несли общія повинности, пользовались общими правами; отличались лишь тѣмъ, что „записывались по городамъ въ дворянскіе списки, посадскіе же люди и крестьяне въ писцовыя, переписныя и иныя книги тяглыхъ государевыхъ людей“ ⁷⁾. „Натуральное различіе составныхъ элементовъ дворянства отразилось въ московскихъ памятникахъ въ различіи большихъ дворянъ, московскихъ и городовыхъ“ ⁸⁾. Городовые дворяне суть тѣ, которые имѣли вотчины и помѣстья по уѣздамъ. Они несли службу по своимъ городамъ, могли получать помѣстья и составляли классъ мелкихъ помѣщиковъ ⁹⁾. Московскіе дворяне—занесенные въ московскій списокъ. Ивапъ Грозный выдѣлилъ въ отдѣльный списокъ 1.000 дворянъ, жившихъ не далѣе 70 верстъ отъ Москвы, для несенія службы гонцовъ. Постепенно этотъ списокъ пополнялся другими фамиліями. Преимущества

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 423—424.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 425.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 425—431.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 431—434.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 434—441.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 442.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 443.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 443—450.

московскихъ дворянъ вытекали изъ фактической близости ко двору, изъ службы на глазахъ государя. Въ XVII вѣкѣ московское дворянство жалуются, какъ отличіе. Сперва званіе московскаго боярина было не наследственно. Но съ установленіемъ принципа наследственности въ помѣстьяхъ стали наследовать и въ званіи московскаго дворянина ¹⁾). Изъ разряда какъ городовыхъ, такъ и московскихъ, а иногда и вообще дворянъ, выдѣляются лучшіе люди, и имъ придается иногда эпитетъ „большіе“ ²⁾). Послѣдніе разряды дворовыхъ чиновъ, на которыхъ останавливается В. И. Сергѣевичъ, были: оружничіе, положеніе которыхъ было очень почетно; постельничіе—должность чисто домашняя; стряпчіе съ ключемъ, которые, какъ придворное званіе, были чиномъ почетнымъ, а какъ фактическая должность—низшимъ; ловчіе и сокольники; печатники, прикладывавшіе печати къ актамъ, и, наконецъ, стольники ³⁾). Первоначальное назначеніе стольниковъ—служить за столомъ государя. Но они еще раньше стали нести и обязанности совѣтниковъ и вообще по управленію, только подъ конецъ „придворная служба занимаетъ въ ихъ дѣятельности скорѣе второе, чѣмъ первое мѣсто“ ⁴⁾). Число стольниковъ было очень велико, и въ числѣ ихъ были какъ люди именитые, такъ и неименитые. Постепенно „быть въ стольникахъ“ значило „быть въ приближенныхъ къ государю“ ⁵⁾). Когда ихъ число стало очень велико, только нѣкоторые изъ нихъ назначались на службу въ компанію государя ⁶⁾).

Первый томъ „Юридическихъ древностей“ В. И. Сергѣевичъ заканчиваетъ разсмотрѣніемъ положенія дьяковъ. Онъ говоритъ въ началѣ: „дьяки—письменные люди нашей древности“ ⁷⁾). „Соціальное положеніе дьяковъ было очень различно. Между ними встрѣчаются рабы и свободные“ ⁸⁾). Дьяки, какъ грамотные люди, легче другихъ слугъ попадаютъ въ близость къ господину ⁹⁾). „Дьяки и рабы—первоначальный составъ возникавшихъ въ XV вѣкѣ приказовъ. Но на

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 451—457.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 457—458.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 458—476.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 481.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 482.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 483.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 484.

⁸⁾ Ibidem.

⁹⁾ Юридич. древности, I, стр. 485.

„лужбѣ князей были и свободные дьяки“¹⁾). По аналогіи съ введенными боярами встрѣчаются и введенные дьяки²⁾). Со второй половины XV вѣка въ положеніи дьяковъ произошла перемѣна. Изъ писмоводителей они обратились въ судей и чиновниковъ и, какъ полноправные члены, стали входить въ составъ боярской судной коллегіи. Это было результатомъ стремленія князей московскихъ ослабить значеніе родового элемента въ администраціи суда³⁾). Дьяки посылаются и въ главнѣйшія области вмѣстѣ съ намѣстниками и воеводами, какъ полноправные члены коллегіальнаго управленія. В. И. Сергѣевичъ приводитъ многіе примѣры для иллюстраціи положенія дьяковъ совмѣстно съ намѣстниками и воеводами⁴⁾). Особенно возвысилось положеніе дьяковъ въ разгаръ полнаго развитія приказной системы. Они непремѣнные члены приказовъ и единственно они одни, такъ какъ другіе члены могли быть изъ разныхъ чиновъ. Были, наконецъ, приказы, въ которыхъ засѣдали одни дьяки, и приказы на столько важные, какъ приказъ Тайныхъ Дѣлъ, Счетный, Посольскій⁵⁾). Подъ конецъ „дьяки вездѣ: на судѣ, въ посольствахъ, при сборѣ и расходованіи государевой казны, въ войскахъ. Дьяки непрестанно находятся и при государѣ“⁶⁾). Они докладываютъ царю дѣла, сопровождаютъ его въ поѣздкахъ, объявляютъ царскіе указы⁷⁾). Мы видимъ даже дьяковъ въ думѣ, какъ членовъ ея. Они въ думѣ занимаютъ, правда, самое послѣднее мѣсто. Они стоятъ, когда другіе сидятъ. В. И. Сергѣевичъ говоритъ⁸⁾): „Не могло же въ началѣ XVII вѣка прійти въ забвеніе, что съ небольшимъ сто лѣтъ тому назадъ приказные дьяки были холопы и отпускались на волю изъ милости“. „Гораздо болѣе свободная роль принадлежала дьякамъ въ судной боярской коллегіи... Думные дьяки принимали тамъ дѣятельное участіе въ преніяхъ, брали на себя инициативу и, случалось, проводили свое личное мнѣніе въ противность мнѣнію остальныхъ членовъ“⁹⁾). Числомъ дьяковъ было вообще около ста; думныхъ же 3—8. За

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 485—486.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 486—488.

⁴⁾ Юридич. древности, I, стр. 488—502.

⁵⁾ Юридич. древности, I, стр. 502—507.

⁶⁾ Юридич. древности, I, стр. 507.

⁷⁾ Юридич. древности, I, стр. 507—508.

⁸⁾ Юридич. древности, I, стр. 509.

⁹⁾ Ibidem.

свою службу дьяки получали жалованье деньгами и помѣстьями ¹⁾. Но при всемъ фактически вліятельномъ положеніи дьяки были чиномъ худороднымъ, отеческой чести они не имѣютъ. Поэтому, съ одной стороны, они проникаютъ всюду, не считаясь мѣстами, съ другой стороны, они часто остаются въ тѣни. Пополняется ихъ число изъ худыхъ людей, иногда изъ пашенныхъ крестьянъ. Потому иногда отрекаются отъ предковъ-дьяковъ, и счету имъ съ другими нѣтъ ²⁾. Первый томъ своихъ „Юридическихъ древностей“ В. И. Сергѣевичъ заканчиваетъ слѣдующими словами ³⁾: „Отъ московскихъ дьяковъ въ наше время и памяти не осталось. А для Москвы они были новостью, а не древностью. Наша исторія за послѣднія два столѣтія далеко ушла отъ московскихъ порядковъ. Но она не стояла недвижно и до Петра Великаго. Москва второй половины XV, XVI и XVII вѣковъ еще менѣе походить на Русь до-московскую, чѣмъ на Имперію Россійскую временъ Екатерины II. Но и Екатерининское время на нашихъ глазахъ отходитъ уже въ вѣчность. Реформы второй половины истекшаго столѣтія опять двинули насъ въ новое, хотя еще и не вполне опредѣлившееся будущее“.

VI.

Первый выпускъ втораго тома „Юридическихъ древностей“ носить названіе „Вѣче и князь“. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что, не смотря на тождественность этого заглавія съ заглавіемъ магистерской его диссертациі, въ этотъ новый трудъ „вошли только четыре главы первой книги: I, III, IV, VII, и не большая часть VI-й. Такимъ образомъ, нынѣ издаваемый трудъ представляетъ лишь небольшую часть прежняго, и эта небольшая часть вся написана вновь, а нѣкоторые ея отдѣлы и по новому плану и на новыя темы“ ⁴⁾. Свое изслѣдованіе авторъ начинаетъ съ рѣшенія вопроса: гдѣ и когда было вѣче? Отвѣчаетъ на него такъ ⁵⁾: „Вѣча собираются во всѣхъ волостяхъ. Они составляютъ думу волости. Рѣшенія, принятая на

¹⁾ Юридич. древности, I, стр. 509—512.

²⁾ Юридич. древности, I, стр. 512 — 517. Вопросу о дьякахъ посвящено обширное изслѣдованіе *Лизачева*, „Разрядные дьяки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія“, М., 1890.

³⁾ Юридич. древности, I, стр. 517.

⁴⁾ Юридич. древности, II, 1, предисловіе.

⁵⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 1.

вѣчѣ... старшими городами..., принимаются къ исполненію и пригородами*. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ приводитъ свидѣтельства памятниковъ бытности вѣча во Владимірѣ-Волинскомъ, въ Кіевѣ, въ Полоцкой волости, въ Черниговской волости, въ Кіевской волости, въ Курскѣ, въ Ростовско-Суздальской волости, въ Рязанской и въ Смоленской волостяхъ ¹⁾).

Позволимъ себѣ замѣтить, что тогда какъ западники при критикѣ магистерской диссертациі В. И. Сергѣевича замѣчали, что врядь ли можно признать за вѣче все, что считаетъ таковымъ авторъ ²⁾, славянофилы замѣчали, что не только тамъ, гдѣ думаетъ В. И. Сергѣевичъ, но вездѣ было вѣче ³⁾. Достоинъ замѣчаніе, что при этомъ подають другъ другу руку какъ представители такъ называемаго либеральнаго направленія, высоко чтущіе представительное правленіе на западѣ Европы, такъ и изслѣдователи консервативнаго образа мыслей, желавшіе вездѣ въ русской исторіи видѣть единое монархическое государство Россійское. Б. Н. Чичеринъ, идеаломъ котораго является англійское конституціонное устройство, въ высшей степени отрицательно относится къ русскому вѣчу ⁴⁾; Плюшинскій ⁵⁾ тщится доказать, что почти повсюду въ древней Руси вѣче было лишь, по выраженію Ивана Грознаго, собраніемъ многомятежнаго человѣчества. Укажемъ, что вопросъ этотъ можно рѣшить лишь изслѣдовавъ, были ли законныя и незаконныя вѣча, или такого раздѣленія въ древней Руси не знали, и оно было изобрѣтено лишь новѣйшими изыскателями. (В. И. Сергѣевичъ въ концѣ своего обзора вѣчнаго устройства указываетъ, что въ наукѣ Невольинъ ⁶⁾, И. Д. Бѣ-

¹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 2—81.

²⁾ Рецензія Д. Щ. (*Голосъ*, 1868 г., № 307).

³⁾ Рецензія *Лешкова* (*Московскія Университетскія Извѣстія*, 1869, III, стр. 225).

⁴⁾ Опыты по исторіи русскаго права, М., 1868, „Духъ и дог. гр. велик. и удѣльныхъ князей“, стр. 334: „Въ древней же Россіи мы видимъ хаотическій безпорядокъ въ которомъ всѣ отношенія опредѣляются случайнымъ положеніемъ и столкновеніями князей“.

⁵⁾ Городское или среднее состояніе русскаго народа, С.-Пб., 1852, стр. 68—71. Напоминъ еще показаніе Степенной книги: „Имаху же у себя перваго Самодержца... князя Гюрика... его же къ себѣ призваша по совѣту множества людей всея Русскія земли, и той влады надъ ними не яко они хотяху, но яко оны хотяше“ (С. М. *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древн. вр., т. III, М., 1870, стр. 381, пр. 71).

⁶⁾ Полное собраніе сочиненій, VI, стр. 112 — 113: Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго.

ляевъ ¹⁾ и г. Владимірскій-Будановъ ²⁾ раздѣляютъ вѣче на законное и незаконное. Законное есть: 1) то, которое собрано княземъ и посадникомъ; В. И. Сергѣевичъ возражаетъ противъ этого, что въ древности никто не смотрѣлъ на собраніе, какъ на незаконное, если даже оно собралось и помимо князя и посадниковъ ³⁾, 2) то, которое собирается на законномъ мѣстѣ; и на это В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ, что сами князья шли на такія вѣча, которыя собирались и не у св. Софіи или въ Ярославовомъ дворѣ, и не считали ихъ незаконными ⁴⁾; 3) то, которое собрано не при борьбѣ партій и черезъ бирючей, а не при колокольномъ звонѣ. В. И. Сергѣевичъ указываетъ всю неосновательность и искусственность подобнаго мнѣнія ⁵⁾. Наконецъ, законно вѣче то, которое собрано явно и состоитъ изъ гражданъ старшаго города волости. И противъ этихъ признаковъ В. И. Сергѣевича противопоставляетъ мѣста источниковъ и факты русской исторіи ⁶⁾. Послѣ критики автора „Юридическихъ древностей“ возможно признать мнѣнія о законныхъ и незаконныхъ вѣчахъ лишь однимъ доктринерствомъ. Если же это такъ, то, конечно, все, что говоритъ о вѣчахъ, говоритъ именно о нихъ, а не о постороннихъ сходкахъ. Перечисливъ мѣста, въ которыхъ упоминается о вѣчахъ въ историческихъ памятникахъ. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ⁷⁾: „У насъ не только въ XII, но и гораздо позднѣе, въ XIV и даже XV вѣкѣ, право развивалось не путемъ законодательства, а обычаемъ и практикою судебной и административной. Вѣче, поэтому, не есть продуктъ указа какого либо князя, а явленіе обычной народной жизни, вызванное условіями тогдашняго быта древнихъ волостей“. Княжества были малы, населеніе имѣло право свободнаго перехода, князья мѣняли свои столы. При такомъ неустойчивомъ положеніи вещей „не могла возникнуть твердая центральная власть“ ⁸⁾. Поэтому и князья входятъ въ переговоры съ народомъ. Замѣтимъ, что Б. Н. Чичеринъ

¹⁾ Разказы изъ Русской исторіи, кн. II, „Исторія Новгорода Великаго“, 1866, стр. 158.

²⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, Кіевъ, 1888, стр. 28—32.

³⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 98—99.

⁴⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 99.

⁵⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 99—100.

⁶⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 100—102.

⁷⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 32. Укажемъ, что перечисленіе мѣстъ вѣча встрѣтило сильную критику со стороны С. М. Соловьева, Исторія Россіи съ древн. вр., т. II, М., 1869. Дополненіе, стр. 486—490.

⁸⁾ Ibidem.

высказалъ взглядъ, что „договоръ есть форма не государственнаго права, а гражданскаго или международнаго, ибо въ послѣднемъ государства разсматриваются, какъ свободныя, независимыя другъ отъ друга правственныя лица“¹⁾). М. Ф. Владимірскій-Будановъ справедливо возражаетъ по этому предмету, что нельзя примѣнять современныя теоріи къ древнему быту²⁾). В. И. Сергѣевичъ, разсматривая вопросъ о возникновеніи вѣча, говоритъ³⁾): „Вѣче, какъ явленіе обычнаго права, существуетъ съ незапамятныхъ временъ“. „По мнѣнію начальнаго лѣтописца и позднѣйшаго, жившаго въ концѣ XII вѣка, вѣче было всегда“⁴⁾). На существованіе вѣча указываютъ договоры съ греками, которые заключены не только именемъ князя, но и именемъ народа. Вѣче, какъ явленіе, вызванное къ жизни данными бытовыми условіями, уничтожилось съ уничтоженіемъ этихъ условій. Поводомъ къ измѣненію стараго порядка вещей было татарское завоеваніе⁵⁾). Замѣтимъ, что этотъ вопросъ стоитъ въ связи съ нѣкоторыми другими. Существовалъ взглядъ, что древняя Россія была монархія. Для него не возникало надобности говорить о вѣчѣ. Затѣмъ изслѣдователи дѣлятся на два лагеря. Одни, какъ напримѣръ проф. Дьяконовъ, считаютъ идею самодержавія плодомъ Византіи. Онъ говоритъ⁶⁾): „Духовенство, вмѣстѣ съ заботами о распространеніи основныя началъ христіанской религіи, беретъ на себя задачу провести въ жизнь ученіе о богоустановленности властей и проповѣдуетъ населенію обязанность ихъ почитанія, а властямъ указываетъ лежація на нихъ обязанности и отвѣтственность, упадающую на нихъ за уклоненія отъ указанныхъ имъ цѣлей... многія изъ этихъ политическихъ темъ сначала находили еще очень неподготовленную почву для ихъ воспріятія, но, постоянно повторяемая, онѣ безспорно подготовили умы читателей къ воспріятію новыхъ политическихъ теорій о московскомъ государствѣ и государѣ“. С. М. Соловьевъ, хотя не съ такою односторонностію, признаетъ вліяніе Византіи⁷⁾). Отно-

¹⁾ Опыты по исторіи русскаго права, М., 1858, стр. 299: „Дух. и дог. гр. вѣлк. и удѣльн. князей“.

²⁾ Хрестоматія по исторіи русскаго права, вып. II, К., 1887, стр. 9—10, прим. 1.

³⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 33.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 34—38.

⁶⁾ Власть московскихъ государей, С.-Пб., 1889, стр. 52—53.

⁷⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. IV, М., 1863, стр. 393.

нительно этого влияния приведемъ слова Ф. Терновскаго ¹⁾: „Русская мысль и жизнь не отъ примѣра Византіи шла въ область современнаго самоопредѣленія... а наоборотъ, совершающійся фактъ или возбуждающійся вопросъ въ области современности заставляли наводить справку, какъ было въ Византіи“. Другіе изслѣдователи видятъ въ самодержавныхъ стремленіяхъ князей плоды татарскаго завоеванія. Такъ думаетъ г. Ключевскій ²⁾, такъ думаетъ и г. Иловайскій ³⁾. Намъ представляется, что вѣроятнѣе всего тотъ взглядъ, который вытекаетъ изъ трудовъ В. И. Сергѣевича и С. М. Соловьева. Первый изъ нихъ отрицаетъ византійское влияние на монархическія тенденціи московскихъ государей; второй отрицаетъ татарщину; но оба выше всего ставятъ личную дѣятельность князей, фактическую возможность приписать себѣ много владѣній, ослабленіе твердости вѣча передъ общимъ врагомъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что вся исторія до-московской Руси представляетъ изъ себя лишь постоянную борьбу сперва между князьями изъ-за преобладанія, потомъ между князьями и вѣчемъ изъ-за монархическаго принципа. И Византія, и ханъ могли лишь служить оправданіемъ для торжествующей единой и самодержавной Москвы. В. И. Сергѣевичъ, утверждая влияние татаръ на уничтоженіе вѣча, говоритъ ⁴⁾: „Что именно татарское завоеваніе, перенеся центръ тяжести политической жизни въ Орду и обезсилливъ населеніе поборами и грабежомъ, подорвало въ корнѣ участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ,—видно еще изъ того, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ нашествіе не коснулось, вѣчевые порядки сохраняются въ XIV и XV вѣкахъ; таковы Новгородская и Полоцкая волости“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что относительно вѣчеваго быта Новгорода даже въ періодъ общераспространенности вѣча мы имѣемъ болѣе упоминаній. Мы думаемъ, что самъ авторъ „Юридическихъ древностей“ не можетъ не согласиться, что вѣчевое устройство Новгорода было болѣе развито, чѣмъ другихъ городовъ. Прекрасно изображаетъ это С. М. Соловьевъ ⁵⁾: „Въ Новгородѣ было болѣе благоприятныхъ условий для развитія вѣчеваго быта, чѣмъ гдѣ либо: князья смѣнялись чаще по своимъ родовымъ отношеніямъ и тѣмъ чаще вызывали на-

¹⁾ Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси, вып. II, стр. 112—113.

²⁾ Боярская дума древней Руси, М., 1882, стр. 271.

³⁾ Историко-критическія замѣтки (*Русскій Архивъ*, 1889, № 2, стр. 364 вѣд.).

⁴⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 38—40.

⁵⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. III, М., 1870, стр. 29—30.

родъ къ принятію участія въ рѣшеніи самыхъ важныхъ вопросовъ; народъ этотъ былъ развитѣе вслѣдствіе обширной торговой дѣятельности, богатство способствовало образованію сильныхъ семействъ, которыя стремились къ болѣе самостоятельному участію въ правительственныхъ дѣлахъ... Новгородъ имѣеть дѣло съ младшими князьями, другіе города съ старшими, сильнѣйшими¹⁾. По поводу же того, что Новгородъ долѣе сохранилъ свое вѣчевое устройство, С. М. Соловьевъ замѣчаетъ, что онъ при этомъ боролся не съ татарщиною, а съ самодержавными тенденціями Андрея Боголюбскаго, Всеволода III, сына его Ярославъ, внука Ярославъ и правнука Михаила¹⁾. Какъ на вторую причину разрушенія вѣчеваго строя, В. И. Сергѣевичъ указываетъ на измѣненіе всего строя древней общественной жизни. Москва въ своемъ ростѣ поглотила самостоятельную власть городовъ-волостей, а собирать общее народное собраніе по громадности территоріи было невозможно. вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается размѣръ недвижимой собственности и доходовъ московскихъ князей. Измѣняются права вольныхъ слугъ. Крестьяне прикрѣпляются къ государеву тяглу. „Обладая такой силой, они (московскіе князья) не имѣють уже надобности входить въ соглашеніе съ народомъ. Они могутъ приказывать“²⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ передаетъ исторію отмѣны вѣча въ Новгородѣ, Вяткѣ и Псковѣ³⁾ и заканчиваетъ ее словами⁴⁾: „Не смотря на полную побѣду Москвы, отголоски вѣчеваго быта явственно слышатся и въ смутную эпоху начала XVI вѣка“. Вопросъ о вѣчевомъ устройствѣ авторъ начинаетъ общими замѣчаніями относительно условій возникновенія вѣча у первоначальныхъ государствъ. Онъ говоритъ⁵⁾: „Человѣкъ предшествуетъ государству. Онъ существовалъ задолго до его появленія, какъ членъ семьи, рода, племени. Никто не наблюдаетъ первоначальнаго возникновенія государствъ. Но они, конечно, возникли не во всеоружіи... Первоначально какъ государство не отдѣляло себя отъ составляющихъ его единицъ, такъ и отдѣльные люди не раздѣляли своихъ интересовъ отъ интересовъ государства. „А такъ какъ моментъ безразличія частнаго и общаго должны были пережить всѣ государства, то форма вѣчеваго быта должна быть наблюдаема у всѣхъ народовъ.“

¹⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. IV, М., 1863, стр. 213.

²⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 41.

³⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 41—50.

⁴⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 50.

⁵⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 51.

Сравнительная история права дает достаточно фактов, подтверждающих нашу мысль¹⁾. Отметим здесь, что этим местом доказывается еще раз, что В. И. Сергѣевичъ не отрицаетъ ни родового, ни общиннаго быта. Онъ только, изслѣдуя вопросы истории русскаго права, выносить за скобки факты до-историческаго быта, и С. М. Соловьевъ, горячій приверженецъ родового устройства, напрасно рѣзко нападаетъ на него²⁾. „Участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ понималось въ древности, какъ право, принадлежащее свободному человѣку“³⁾. „Подъ свободными людьми, имѣющими право участія въ народныхъ думахъ, надо разумѣть, однако, не все населеніе поголовно, а свободныхъ людей, которые не состоятъ подъ отеческою властью и не находятся въ иной какой либо частной зависимости“⁴⁾. Отцы рѣшаютъ за дѣтей. Но это касается лишь дѣтей не выдѣленныхъ. Замѣтимъ, что это было *семейное* представительство, а не родовое. На отсутствіе родового начала въ составѣ русскаго вѣча указываетъ такой защитникъ родовой теоріи, какъ А. Никитскій⁵⁾. „Каждый, имѣющій право участвовать, участвуетъ непосредственно, а не черезъ представителя“⁶⁾. На вѣчѣ участвуютъ не только жители главнаго города волости, но всѣ жители волости⁷⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что вѣче не собиралось періодически. Въ этомъ онъ расходится съ проф. Владимірскимъ-Будановымъ⁸⁾ и, возражая противъ него, замѣчаетъ, что не было надобности въ періодическомъ вѣчѣ, такъ какъ вѣче не занималось текущими дѣлами⁹⁾. Ни время созыва вѣча, ни способъ этого созыва не были опредѣлены. Требовалось лишь, чтобы былъ призывъ и чтобы народъ желалъ составить вѣче¹⁰⁾. Точно такъ же не было опредѣлено и мѣсто собранія вѣча; собирались и на дворѣ князя, и на походѣ. Требовалось лишь, чтобы

¹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 52.

²⁾ История Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. II, М., 1869, Дополненіе, стр. 490—491.

³⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 52.

⁴⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 53.

⁵⁾ Теорія родового быта въ древней Руси (*Вѣстникъ Европы*, 1870, августъ, стр. 457).

⁶⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 54.

⁷⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 54—55.

⁸⁾ Обзоръ истории русскаго права, К., 1888, 2 изд., стр. 32.

⁹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 55.

¹⁰⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 55—58.

мѣсто даннаго собранія было указано собирающимъ на вѣче ¹⁾).

Очень мало сохранилось извѣстій о порядкѣ совѣщанія на вѣчѣ. Не былъ опредѣленъ минимумъ членовъ для дѣйствительности рѣшенія. Нѣтъ указаній, чтобы былъ предсѣдатель. При этихъ условіяхъ совѣщанія представляли изъ себя шумныя и безпорядочныя сборища ²⁾. „Порядокъ вѣчевыхъ рѣшеній представляетъ чрезвычайно характерную особенность. Счета голосовъ у насъ вовсе не дѣлалось по той причинѣ, что большинство голосовъ... не считалось достаточнымъ для рѣшенія дѣла. У насъ требовалось или единогласное рѣшеніе, или такое большинство, которое ясно видно безъ всякаго счета голосовъ“ ³⁾. Такой порядокъ былъ на всѣхъ вѣчахъ; но такъ какъ подобное единогласіе рѣдко достигалось простымъ словопріемъ, то дѣло нерѣдко кончалось рукопанною. Поэтому волость постоянно находилась въ переходномъ состояніи или отъ мира къ воинѣ, или отъ войны къ миру ⁴⁾. „О вѣчевыхъ совѣщаніяхъ никакихъ протоколовъ не велось. Но когда дѣло того требовало, вѣчевое рѣшеніе заносилось въ грамоту... Цѣликомъ дошедшія до насъ вѣчевыя грамоты всѣ принадлежатъ одному Новгороду“ ⁵⁾. Вездѣ, гдѣ существовало вѣче, существовали и политическія партіи, которыя вели постоянныя между собою раздоры ⁶⁾. Исполненіе вѣчевыхъ постановленій не возлагалось на опредѣленный органъ, а каждый разъ поручалось указываемому вѣчемъ лицу, или бралось вѣчемъ на себя. При послѣднемъ случаѣ это бывало нерѣдко актомъ народной страсти ⁷⁾. Вѣчу подлежали всѣ вопросы законодательства, управленія и суда. Но главнымъ изъ нихъ было управленіе, такъ какъ законы въ древней Руси закладывались обычаями. Первымъ дѣломъ управленія для вѣча было избраніе князя ⁸⁾. В. И. Сергіевичъ указываетъ на то, что порядокъ замѣщенія столовъ въ древней Руси представляетъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ спорныхъ вопросовъ. Онъ рѣшаетъ его далѣе. Здѣсь же указываетъ лишь на значеніе народной воли въ дѣлѣ размѣщенія князей по столамъ. Онъ оговаривается, что не хочетъ сказать, что

¹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 53—60.

²⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 60—63.

³⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 63.

⁴⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 63—69.

⁵⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 69.

⁶⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 70—71.

⁷⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 72.

⁸⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 73.

стола замѣщались только по избранію. Нерѣдко они завоевывались. Но это были случаи экстраординарные и шли противъ обычая. Затѣмъ авторъ приводитъ рядъ примѣровъ народнаго участія въ избраніи князя ¹⁾. С. М. Соловьевъ отводитъ народной волѣ въ дѣлѣ избранія князя очень незначительное мѣсто. Онъ и рядъ съ княземъ усматриваетъ лишь какъ, явленіе при стеченіи необычайныхъ условій, а присягу признаетъ лишь со стороны подданныхъ ²⁾. Между тѣмъ В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ ³⁾: „Князь въ мирное время всегда вступалъ на престолъ съ согласія народа, которое выражалось въ крестномъ цѣлованіи и въ торжественномъ посаженіи его народомъ на столъ“. Точно также и рядъ съ княземъ былъ на столько общимъ явленіемъ, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, что заключался даже съ княземъ, захватившимъ столъ силою оружія. Уже въ XII вѣкѣ стали этотъ рядъ записывать. Народъ договаривается съ княземъ относительно общихъ вопросовъ управленія и нѣкоторыхъ частныхъ, относящихся къ данному случаю. Договариваются о судѣ народа самимъ княземъ, а не тѣнами, о наследствѣ престола, о законодательствѣ князя, распредѣленіи земель, финансовомъ управленіи и т. п. ⁴⁾. Вѣчевымъ собраніямъ подлежали и управленіе, и судъ. Древнему времени была совершенно чужда мысль о раздѣленіи властей. „Органы суда и управленія сливались“ ⁵⁾, хотя обыкновенно вѣче являлось съ характеромъ народной думы, а не органомъ суда. Судъ былъ постоянною функціею князя, но послѣдній долженъ былъ считаться съ народною волею. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что „вѣче, какъ высшая власть, беретъ на себя иногда рѣшеніе правительственныхъ и судебныхъ вопросовъ“, а не есть „обыкновенный органъ для текущаго управленія и суда“ ⁶⁾. Позволимъ себѣ привести, какъ фактъ, нѣсколько идущій въ разрѣзъ съ этимъ, и указывающій на обыкновенное судебное дѣло, рѣшенное вѣчемъ: „Ѡ посадника Новгородскаго... и Ѡ тысячкаго Новгородскаго... и Ѡ всего гѣна великаго Новгорода съ

¹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 73—81.

²⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. III, М., 1870, стр. 6—7.

³⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 80.

⁴⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 80—98. Договоры князей съ городами изслѣдованы С. М. Соловьевымъ въ его диссертациі: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“, М., 1846. Онъ старается указать на фактическое усиленіе народнаго элемента и сравнительно къ позднее время, а не на основныя права народа, какъ на источникъ силы вѣча въ Новгородѣ (см. стр. 82).

⁵⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 98.

⁶⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 94.

вѣча съ грославлѣ двора къ Микитки Типчову, что ѣси взялъ оу посла оу колываньскѣ оу йвана и оу гостили два рубля и ты то ѿдал а великаго Новгорѣ слово не слышьяся. а слышишьяся, быти ѿ великаго Новгорода въ казни“ ¹⁾). Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ вѣча было объявленіе войны и заключеніе мира. При этомъ В. И. Сергѣевичъ объясняетъ, что князь могъ вести войну посредствомъ своей дружины и охотниковъ, или средствами волости. Въ первомъ случаѣ не требовалось, конечно, участія вѣча: война велась за счетъ и на страхъ князя. Во второмъ же случаѣ какъ объявленіе войны, такъ и заключеніе мира происходило на вѣчѣ ²⁾). Народъ не только бралъ на себя инициативу въ военномъ дѣлѣ, но даже принималъ участіе въ распоряженіи военными дѣйствіями ³⁾). Исслѣдованіе о вѣчевомъ устройствѣ В. И. Сергѣевичъ оканчиваетъ обзоромъ мѣстнѣй о законныхъ и незаконныхъ вѣчахъ, котораго мы уже касались выше, и указаніемъ на участіе пригородовъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ старшихъ городовъ и на вѣчевое устройство самихъ пригородовъ. Онъ говоритъ, что жители пригородовъ могли, какъ полноправные члены, входить въ составъ вѣча старшаго города. Съ другой стороны жители старшаго города могли участвовать въ вѣчевыхъ собраніяхъ пригородовъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ это—вѣча цѣлой волости. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что мѣстнѣе проф. Владимірскаго-Буданова ⁴⁾ о противорѣчии участія всего народа въ вѣчѣ съ обширностію территоріи имѣетъ значеніе лишь въ смыслѣ фактической невозможности ⁵⁾). Затѣмъ надо признать, что могли быть случаи вѣчевыхъ собраній въ пригородахъ безъ участія жителей главнаго города. В. И. Сергѣевичъ рассматриваетъ отношеніе этихъ пригородныхъ собраній къ вѣчамъ старшихъ городовъ. Онъ говоритъ, „что отношенія пригородовъ къ городамъ были различны, смотря по силѣ пригорода“ ⁶⁾). Все основывается лишь на фактической силѣ сторонъ. Въ подтвержденіе такого взгляда В. И. Сергѣевичъ приводитъ рядъ историческихъ примѣровъ ⁷⁾).

Вторую половину 1-го выпуска втораго тома „Юридическихъ древ-

¹⁾ *Востоковъ*, Опис. рукоп. Рум. музеума, № XLIV, 4, отъ 1452 года.

²⁾ *Юридич. древности*, II, 1, стр. 94—96.

³⁾ *Юридич. древности*, II, 1, стр. 96—97.

⁴⁾ *Обзоръ исторіи Русскаго права*, К., 1888, 2-е изд.

⁵⁾ *Юридич. древности*, II, 1, стр. 107.

⁶⁾ *Юридич. древности*, II, 1, стр. 108.

⁷⁾ *Юридич. древности*, II, 1, стр. 109—118.

ностей“ В. И. Сергѣевичъ посвящаетъ изслѣдованію положенія князя въ древней Руси. Первую главу онъ посвящаетъ взаимнымъ отношеніямъ владѣтельныхъ князей. Онъ говоритъ ¹⁾: „Взаимныя отношенія князей, какъ правителей независимыхъ одна отъ другой волостей, опредѣлялись либо миромъ, либо войной“. „Княжескіе договоры представляютъ... источникъ первостепенной важности для изученія взаимныхъ правъ и обязанностей владѣтельныхъ князей“ ²⁾. „Договорное начало въ княжескихъ отношеніяхъ проходитъ черезъ всю нашу исторію“ ³⁾. Распря между князьями появляется уже, какъ только появляется на Руси нѣсколько князей ⁴⁾. Договорныя отношенія, улаживавшія междоусобія, заключались между князьями во всѣхъ степеняхъ родства, даже между отцомъ и сыномъ ⁵⁾. Что касается до внѣшней формы договоровъ, то В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что они не всегда были писанные. Но къ письму стали прибѣгать весьма рано. Эти договоры носили названіе крестной грамоты, отъ присяги. Затѣмъ авторъ указываетъ, что всѣ дошедшія до насъ грамоты принадлежатъ эпохѣ московскихъ князей и, за исключеніемъ восьми, заключены при ихъ участіи ⁶⁾.

Позволимъ себѣ указать, что имѣются еще договоры, заключенные помимо Москвы ⁷⁾. Далѣе В. И. Сергѣевичъ указываетъ на двойную редакцію грамотъ, на возвращеніе грамотъ въ случаѣ разрыва и переходить къ содержанію ихъ ⁸⁾. Замѣтимъ, что авторъ совершенно не раздѣляетъ времени до-московскаго и московскаго, излагая договоры въ томъ видѣ, какой они приняли въ Москвѣ. Прежде чѣмъ слѣдовать за авторомъ „Юридическихъ древностей“, считаемъ долгомъ оговориться, что мы уже имѣли случай указать на неправильность подобнаго приѣма и высказать наше мнѣніе о междукняжескихъ отношеніяхъ по договорамъ, нѣсколько отличное отъ мнѣнія В. И. Сергѣевича ⁹⁾. Здѣсь согласно нашей задачѣ мы не будемъ выска-

¹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 119.

²⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 120.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 120—121.

⁵⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 121—122.

⁶⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 123.

⁷⁾ См. Акты, относ. къ исторіи Западн. Россіи, т. I, №№ 33, 41, 51, 79.

⁸⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 124—129.

⁹⁾ Древне-русскія междукняжескія отношенія по договорамъ („Историческое Обзорѣніе“, т. IV, стр. 34--70).

зывать собственнаго сужденія и позволимъ себѣ лишь указать мнѣнія ученыхъ и нѣкоторыя данныя историческихъ памятниковъ. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что главное значеніе договора не въ созиданіи княжескихъ правъ, а въ ихъ подтвержденіи и регулированіи. Онъ говоритъ ¹⁾: „Правила о неувѣшательствѣ одного князя въ дѣла управленія и суда другаго, о неприкосновенности владѣній, о братствѣ князей, о ихъ старѣйшинствѣ имѣють, конечно, бытовую основу; наоборотъ, союзъ мира и любви между князьями и самыя его условія, подчиненіе одного князя волѣ другаго, опредѣленіе границъ княжескихъ владѣній—представляютъ результатъ чистаго соглашения“. Затѣмъ авторъ указываетъ на медленность развитія междукняжескихъ отношеній, на то, что въ періодъ вымиранія удѣльнаго порядка тѣ же нормы, какъ и въ XII вѣкѣ, и потому онъ будетъ ссылаться какъ на лѣтописи, такъ и на договоры московскаго періода ²⁾. Обращаясь къ другимъ ученымъ, видимъ, что С. М. Соловьевъ, хотя отрицаетъ вліяніе татарскаго завоеванія, въ смыслѣ прерывающаго ходъ исторіи событія, но отдѣляетъ періодъ московскій отъ до-московскаго, указывая, что во второмъ собирательная тенденція московскихъ князей поглотила родовыя отношенія князей древней Руси ³⁾. Такого же мнѣнія держится и Б. Н. Чичеринъ ⁴⁾. На видоизмѣненіе междукняжескихъ отношеній періода возвышенія Москвы указываетъ и И. Е. Забѣлинъ ⁵⁾. Съ другой стороны, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, приверженецъ федеративной теоріи, говоритъ, что строй Руси до-монгольской былъ такой же, какъ и послѣ-монгольской ⁶⁾. Это, намъ кажется, объясняется тѣмъ, что тѣ изслѣдователи, которые примѣняютъ къ княжескимъ отношеніямъ законы общенароднаго быта (родоваго или общиннаго), вмѣстѣ съ измѣненіемъ его усматриваютъ и измѣненіе княжескихъ отношеній, тогда какъ, выдѣляя эти послѣднія въ отдѣльную группу, историки стремятся свою теорію провести до конца, до воцаренія Ивана Грознаго. В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ въ этомъ томѣ лишь отношенія публичнаго права. Онъ приводитъ слѣдующія

¹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 129—130.

²⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 180.

³⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I, М., 1866, стр. 8—10.

⁴⁾ „Духъ и дог. грамоты вел. и уд. князей“, см. Опыты по исторіи русск. права, М., 1858, стр. 272.

⁵⁾ Домашній бытъ русскихъ царей, ч. I, изд. 1862, стр. 6.

⁶⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, К., 1888, 2-е изд., стр. 106.

условія договоровъ: Первое—неприкосновенность владѣній ¹⁾). Это условіе проходитъ прямою нитью черезъ всю нашу исторію и не оспаривается никѣмъ изъ изслѣдователей. Замѣтимъ, что эта независимость внутренняго управленія волостями даетъ поводъ Б. П. Чичерину замѣтить ²⁾: „изъ всего этого ясно, какъ день, что не можетъ быть рѣчи о государственномъ подчиненіи удѣльныхъ князей великому“. Вторымъ условіемъ была наследственность владѣній. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что, при правѣ народа призывать князей, наследственность вытекала лишь изъ ряда съ народомъ. Но все-таки начало отчины у насъ встрѣчается очень рано. Въ междукняжескихъ договорахъ стороны обязуются блюсти волости подѣльными другъ друга ³⁾. Третьимъ условіемъ было братство князей. В. И. Сергѣевичъ начинаетъ изложеніе его словами ⁴⁾: „Всѣ князья, происходя отъ одного общаго родоначальника, считаютъ себя прирожденными правителями. Они никогда не подданные другаго князя, а равные ему“. Но это равенство фактически нарушалось, и потому оно устанавливалось договорами въ видѣ условія имѣть другъ друга братьями ⁵⁾. Мы встрѣчаемъ въ договорахъ наименованіе старѣйшимъ братомъ и братомъ младшимъ. В. И. Сергѣевичъ говоритъ, что старѣйшинство у насъ выражалось въ древности занятіемъ главнаго стола и большимъ личнымъ почетомъ. Но какъ значеніе города постоянно мѣнялось, то и понятіе старѣйшины чисто относительное. Въ договорахъ признаніе старѣйшимъ братомъ сводится лишь къ большому почету и не даетъ никакихъ фактическихъ правъ ⁶⁾. Замѣтимъ, что Б. Н. Чичеринъ основательно указываетъ, что у насъ родственными именами выражалось большее или меньшее значеніе князя. Равные князья были братьями, сильнѣйшій былъ братомъ старѣйшимъ, слабѣйшій — братомъ младшимъ ⁷⁾. В. И. Сергѣевичъ справедливо возражаетъ противъ родовой теоріи С. М. Соловьева ⁸⁾, что отношеніе отца къ сыну,

¹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 131—142.

²⁾ „Дух. и дог. грамоты вел. и уд. князей“, см. Опыты по истор. русск. права, М., 1858, стр. 324.

³⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 142—149.

⁴⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 150.

⁵⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 150—152.

⁶⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 152—169.

⁷⁾ „Дух. и дог. грамоты вел. и уд. князей“, см. Опыты по исторіи русскаго права, М., 1858, стр. 300—301.

⁸⁾ Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома, М., 1847, стр. 443.

какъ видно изъ лѣтописей, вовсе не предрѣшало подчиненіе втораго первому, и потому быть въ отца мѣсто не давало одному князю власти надъ другимъ ¹⁾). Четвертымъ условіемъ былъ союзъ единенія. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ²⁾: „Договоры имѣютъ цѣлью установленіе мира между участниками. Миръ этотъ представляется договаривающимся сторонамъ въ формѣ полного ихъ единенія по всѣмъ вопросамъ внѣшней политики“. Авторъ указывалъ, что это условіе одинаково входило въ договоры князей какъ до-монгольскаго, такъ и послѣ-монгольскаго періода ³⁾. Б. П. Чичеринъ и изъ условія единенія выводитъ независимость князей удѣльныхъ отъ князей великихъ ⁴⁾. Изъ условія „быти за одинъ“ вытекаетъ условіе, регулирующее отношеніе договаривающихся сторонъ къ третьимъ лицамъ. В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что по всѣхъ договорахъ княжескихъ съ XII вѣка входило условіе не вторгаться въ договоры съ другими князьями безъ вѣдома союзника ⁵⁾. По мнѣнію автора это послѣднее условіе, ограничивающее внѣшнія сношенія союзниковъ, послужило основаніемъ для ограниченія правъ союзниковъ слабыхъ союзниками болѣе сильными ⁶⁾. Затѣмъ изъ договора о единеніи вытекали встрѣчающіяся въ договорахъ условія о командованіи на войнѣ, о раздѣлѣ добычи и т. п. ⁷⁾. „Договорное право закрѣпляетъ существованіе отдѣльныхъ и независимыхъ одно отъ другихъ государствъ; оно обезпечиваетъ на вѣчныя времена каждому такому государству неприкосновенность границъ и наследственность въ нисходящей линіи царствующаго князя“ ⁸⁾. Отмѣтимъ, что С. М. Соловьевъ, разсматривая отношеніе младшихъ князей къ старшимъ, тоже въ концѣ концовъ приходитъ къ выводу, что дѣло, въ сущности, заключалось не въ правахъ одного князя надъ другимъ, а въ томъ, чтобы отношенія удовлетворяли обѣ стороны ⁹⁾. Но тогда какъ В. И. Сергѣевичъ говоритъ, что взаимныя отношенія князей основывались на договорныхъ отно-

¹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 165, примѣч. *).

²⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 169.

³⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 169—173.

⁴⁾ „Духъ и дог. грамоты вел. и уд. князей“ см. Опыты по исторіи русскаго права, М., 1856, стр. 326.

⁵⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 173—182.

⁶⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 182—186.

⁷⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 186—189.

⁸⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 190.

⁹⁾ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. II, М., 1869, стр. 5—6.

шеніяхъ и на фактической обстановкѣ дѣла, другіе изслѣдователи видятъ иное. Именно большинство полагаетъ, что договорами возста- новлялся и регулировался тотъ порядокъ вещей, который считался въ народномъ сознаніи законнымъ. Карамзинъ ¹⁾ считалъ таковымъ на- чало монархическое, Эверсъ ²⁾, Соловьевъ ³⁾—отношенія, вытекавшія изъ родовой связи, Костомаровъ ⁴⁾ и Владимірскій-Будановъ ⁵⁾—федера- цію; С. М. Соловьевъ обвиняетъ В. И. Сергѣевича въ крайне пе- приглядной картинѣ русскаго общества. Онъ говоритъ, что въ изо- браженіи В. И. Сергѣевича это какое-то царство звѣрей ⁶⁾. Еще Бэконъ сказалъ „In societate civili aut lex, aut vis valet. Est autem et vis quaedam legem simulans, et lex nonnulla magis vim sapiens“ ⁷⁾. Очень трудно поэтому разбираться въ томъ, что было въ древности сознательнымъ и что бессознательнымъ дѣяніемъ. Позволимъ себѣ, однако, замѣтить слѣдующее: всѣ вышеприведенные историки, и С. М. Соловьевъ въ ихъ числѣ, признаютъ, что тѣ основанія, которыя ими вложены были въ русскую исторію, постоянно нарушаются, разъ дѣло доходитъ до княжескихъ отношеній. В. И. Сергѣевичъ указы- ваетъ, что въ княжескихъ отношеніяхъ господствуетъ масса всевоз- можныхъ началъ: и отчина ⁸⁾, и родъ ⁹⁾, и фактическое преобладаніе одного князя надъ другимъ ¹⁰⁾. Но онъ прямо говоритъ ¹¹⁾: „Мы гово- римъ: всякій законъ лучше произвола. Мы думаемъ, что безъ закона жить нельзя. Родовая теорія перенесла эти возрѣнія на отдаленную древность. Она была не въ состояніи представить себѣ жизни безъ точныхъ правилъ, а наша древность не была еще въ силахъ выра- ботать эти правила“. Но этимъ авторъ, во первыхъ, не отрицаетъ закономѣрности исторіи, а во вторыхъ, говоритъ лишь объ отноше-

¹⁾ И. Г. Р., т. I, изд. 1818, стр. 116, 234.

²⁾ Древнѣйшее русское право изъ историческомъ его раскрытіи, пер. П. Платонова, С.-Пб., 1835, стр. 26.

³⁾ Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома, М., 1847, вступл., стр. 1.

⁴⁾ Мысли о федерат. началѣ древней Руси.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е, Кіевъ, 1888, стр. 68 и 104—105.

⁶⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. II, М., 1869, стр. 490, до- полненіе.

⁷⁾ De Augm. Scient., lib. VIII, Exempl. tract. de just. univ, proemium. Aphor. I.

⁸⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 148 sqq.

⁹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 320 sqq.

¹⁰⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 190.

¹¹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 336.

ніяхъ князей между собою. Если же сравнить его воззрѣнія на отношеніе народа къ князю, его изслѣдованіе вѣча съ княжескими взаимными отношеніями, то мы получимъ, по нашему мнѣнію, слѣдующее основаніе для всего до-монгольскаго государственнаго устройства,—основаніе, правда, нигдѣ самимъ авторомъ не выясненное окончательно и рѣшительно. Народъ считаетъ себя верховною властью. Онъ смѣняетъ князей, ведетъ войну, заключаетъ миръ, творить судъ¹⁾. Князь принимаетъ въ этомъ участіе, на сколько это выговорено его рядомъ съ народомъ. Поэтому отношенія князей между собою являются коопераціей, и невольно уменьшаются всякія иныя вліянія передъ нуждою основаться и удержаться въ волости. И вотъ родовыя отношенія приносятся въ жертву отношеніямъ договорнымъ, основаннымъ на началѣ взаимной выгоды. Вотъ эти-то отношенія князей В. И. Сергѣевичъ и выдвигаетъ на первый планъ, когда идетъ рѣчь объ отношеніяхъ междукняжескихъ, и совершенно справедливо, такъ какъ если мы выдѣлимъ междукняжескія отношенія въ отдѣльную группу, то дѣйствительно получимъ союзъ князей, основанный на договорахъ. Все же другое: родъ, федерація—было или, вѣрнѣе, могло быть началами междукняжескихъ отношеній лишь въ смыслѣ народнаго признанія этихъ началъ за законныя. В. И. Сергѣевичъ рассматриваетъ практику договорнаго права и приходитъ къ тому заключенію, что древнія княженія—самостоятельныя государства и на аренѣ всей княжеской Руси взаимныя отношенія ихъ регулируются договорами²⁾. Для большаго единенія и для улаженія различныхъ общихъ недоразумѣній, для общихъ предпріятій у насъ собираются княжескіе съѣзды. В. И. Сергѣевичъ совершенно правильно сближаетъ ихъ съ вѣчемъ. Это было вѣче князей. Но разница, по его мнѣнію, та, что для вѣча есть опредѣленный районъ дѣйствія; для княжескихъ же съѣздовъ не было общей территоріи³⁾. Замѣтимъ, что М. Ф. Владимірскій-Будановъ находитъ и общую территорію у княжескихъ съѣздовъ⁴⁾. Затѣмъ В. И. Сергѣевичъ указываетъ на порядокъ совѣщаній на съѣздахъ, одинаковый съ вѣчевымъ, и на возможность представительства⁵⁾. Далѣе авторъ рѣшаетъ вопросъ, когда кончилось договорное право.

¹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 78, вѣд., 98, вѣд.

²⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 190—210.

³⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 211.

⁴⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, К., 1888, 2-е изд., стр. 13.

⁵⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 211—216.

Онъ говоритъ ¹⁾: „Ни великіе князья литовскіе, ни татары не положили конца договорнымъ отношеніямъ и не низвели владѣтельныхъ князей до положенія подданныхъ великаго князя. Сдѣлали это бояре московскіе въ малолѣтство Ивана Васильевича, перваго русскаго царя“— и далѣе рисуетъ исторію этого уничтоженія договорнаго права ²⁾. Во второй главѣ изслѣдованія о князѣ В. И. Сергѣевичъ разсматриваетъ распредѣленіе волостей между князьями. Касаясь вопроса о преемствѣ престоловъ въ древней Руси, авторъ развиваетъ именно ту теорію, которую мы выше указали. Народъ избираетъ князя ³⁾. Изъ ряда съ княземъ, а иногда и изъ симпатіи къ нему возникаетъ понятіе княжеской отчины ⁴⁾. Умирающіе князья стремились въ завѣщаніяхъ указать своихъ преемниковъ ⁵⁾. Что касается до старѣйшинства, то-есть, до родовыхъ отношеній, то хотя они и служили основаніемъ для княжескихъ притязаній, но болѣе всѣхъ другихъ началъ нарушались личной энергіей князей и симпатіями народа ⁶⁾. Такимъ образомъ, въ виду столкновенія столькихъ противоположныхъ началъ никакого опредѣленнаго *порядка* преемства столовъ не было. Однако В. И. Сергѣевичъ не отрицаетъ существованія различныхъ принциповъ, во имя которыхъ дѣйствуютъ борющіяся стороны ⁷⁾. Третью главу изслѣдованія о князѣ В. И. Сергѣевичъ посвящаетъ служебнымъ князьямъ. Такіе безземельные князья явились вслѣдствіе политическаго соперничества владѣтельныхъ князей и стремленія ихъ лишить владѣній своихъ сосѣдей. За свою службу владѣтельнымъ князьямъ князья, лишеныя владѣній, получаютъ вотчины, но сами становятся къ нимъ въ отношенія вассальныя. Интересно, что первоначально они получали въ управленіе свои прежнія земли и пользовались въ нихъ верховными правами, даже договоръ ихъ съ владѣтельнымъ княземъ былъ двусторонній; но вѣтшией самостоятельности не имѣли. Однако скоро все это измѣнилось. Договоръ сталъ одностороннею присягою. Стали переводить служилыхъ князей изъ ихъ родовыхъ вотчинъ въ иныя, имъ чуждыя. Постепенно они слились съ боярами ⁸⁾. В. И. Сергѣевичъ заканчиваетъ главу словами: „Князь

¹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 225.

²⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 225—229.

³⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 231—233.

⁴⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 233—246.

⁵⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 246—256.

⁶⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 256—291.

⁷⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 291—301.

⁸⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 302—319.

не бояринъ.... стоялъ въ XVII вѣкѣ неизмѣримо ниже князя боярина“¹⁾). Последняя дополнительная глава изслѣдованія В. И. Сергѣевича посвящена разбору родовой теоріи, по скольку она касается между княжескихъ отношеній. Указывая историческіе факты, идущіе въ разрѣзъ съ началами, приводимыми С. М. Соловьевымъ, указывая на неправильное пониманіе послѣднимъ текста лѣтописи, В. И. Сергѣевичъ приходитъ къ заключенію, что родовая теорія насильно навязывается древней Руси строго выработанную теорію родоваго быта, которая врядъ ли соотвѣтствовала слабому народному правосознанію²⁾).

И. И. Дебольскій.

Новая политическая доктрина.

Указъ и законъ. Изслѣдованіе *Н. М. Коркунова*. С.-Пб. 1894.

„Сознательное и послѣдовательное проведеніе началъ законности въ жизни предполагаетъ прежде всего точное выясненіе понятія закона и его отношенія къ другимъ актамъ государственной власти“. Эта совершенно справедливая мысль побудила автора избрать предметомъ своего изслѣдованія отношеніе закона къ указамъ, то-есть, общимъ правиламъ, устанавливаемымъ въ порядкѣ управленія какъ верховною властью, такъ и органами подчиненнаго управленія. Длинная литературная исторія этого вопроса, со временъ Штала до Еллинака включительно, привела автора къ убѣжденію, что вопросъ этотъ не получилъ надлежащаго разрѣшенія вслѣдствіе неправильной его постановки. Политическіе писатели исходили или изъ предпосылки, что всѣ акты исполнительной власти не имѣютъ самостоятельнаго юридическаго значенія, ими не создаются юридическія нормы, а только правила цѣлесообразности; или же, когда подъ вліяніемъ очевидныхъ фактовъ правительственной практики позднѣйшіе публицисты и признали за административной властью право издавать указы, устанавливающіе новыя нормы, все же эти писатели означенное право считаютъ не самостоятельнымъ, а делегированнымъ отъ власти законодательной. Но при такомъ рѣшеніи вопроса съ одной стороны подрывается самостоятельность административной власти, признанная

¹⁾ Юридич. древности, II, 1, стр. 319.

²⁾ „Юридич. древности, II, 1, стр. 320—336.